

ДРАМА ВЪ ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ.

Прошло уже почти семь лѣтъ съ того времени, какъ 11 Марта 1903 года, во Франціи, въ Больё, скончался 86 лѣтъ отъ роду выдающийся писатель, крупный человѣкъ вообще, — Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ, авторъ знаменитой „Свадьбы Кречинскаго“ и членъ Россійской Академіи. Газеты и журналы посвятили ему „некрологи“, въ большинствѣ случаевъ не преминувъ коснуться той тайны въ жизни его, которая когда-то заставила его удалиться отъ свѣта, уединиться въ деревнѣ и наложила печать какой-то таинственности на весь образъ нѣкогда блестящаго молодого человѣка изъ высшаго Московскаго общества. Сынъ полковника В. А. Сухово-Кобылина и Маріи Ивановны, рожденной Шепелевой (женщины изъ чрезвычайно богатаго рода) Александръ Васильевичъ родился 18 Сентября 1817 г.. Это родной братъ извѣстной Москвѣ и всей Россіи писательницы графини Елисаветы Васильевны Салиасъ (Евгеніи Туръ), преподавателями у которой были Погодинъ, Надеждинъ и Морошкинъ, тогдашнія свѣтила Московскаго университета. Молодой Сухово-Кобылинъ вращался въ кружкѣ Московскихъ гегеліанцевъ. Жажда просвѣщенія увлекла его за границу, гдѣ произошло сближеніе, для него имѣвшее чреватая послѣдствія. Горячей его природѣ свойственны были увлеченія, и такое случилось съ нимъ въ Парижѣ, въ 1841 году. Ему было въ то время всего 24 года, ей 22; она выдавала себя почему-то за вдову, но по словамъ самого Сухово-Кобылина была дѣвицей... Неожиданная, 9 лѣтъ спустя, трагическая смерть этой особы, въ Москвѣ, повлекла за собой цѣлый рядъ тяжелыхъ для Сухово-Кобылина послѣдствій, перетерпѣвъ которыя, онъ затаилъ въ себѣ оскорбленіе и тяжелое свое горе. Неразгаданный романъ съ Француженкой кончился печально. Жертвою его сдѣлались и героиня, и герой: первую убили, а втораго обвинили въ убійствѣ. Московская сплетня угвердила и раздула это обвиненіе,

а стоустая молва разнесла на всю Россію, и до такой степени что этому разсказу вѣрять не только современники, но и послѣдующія поколѣнія, въ чемъ легко убѣдиться, хотя бы прочитавъ некрологи... Все забыто, даже имя Француженки, а разсказъ о томъ, будто бы самъ любовникъ, невѣрный, самъ бросилъ въ любовницу шандаломъ и убилъ ее—повторяется на разные лады. А. В. Сухово-Кобылинъ былъ привлеченъ къ слѣдствію, узналъ тюремное заключеніе, испыталъ всю тяжелую и безконечную волокиту старыхъ судовъ¹⁾. „Изъ жизнерадостнаго и безпечнаго Россійскаго дворянина“, говоритъ Юрій Бѣляевъ, Сухово-Кобылинъ вышелъ озлобленнымъ и мрачнымъ обличителемъ. Въ душѣ его закипѣла сатира“. Явились „Свадьба Кречинскаго“, „Дѣло“ и „Смерть Тарелкина“. Онъ, задумавъ свое „Дѣло“, изобразилъ въ этой мрачной и тяжелой драмѣ всѣ ужасы дореформенной канцеляріи. Эта канцелярія, какъ мы увидимъ ниже, во многомъ напоминала застѣнокъ. Еще ужаснѣе, еще судорожнѣе написана „Смерть Тарелкина“ или „Расплюевскіе веселые дни“. Говорятъ, покойный графъ Валуевъ ужаснулся, прочитавъ первую редакцію этой комедіи-сатиры. Наложивъ такой тяжелый отпечатокъ на нравственный обликъ Сухово-Кобылина, драма его жизни не могла потрясти его могучій организмъ. По словамъ одного его знакомаго, „за шестьдесятъ лѣтъ онъ выглядывалъ совершеннымъ молодцомъ, бравымъ, краснощекимымъ брюнетомъ съ непокорными густыми локонами на красивой головѣ²⁾“. Говорятъ, что онъ былъ рѣдко интересный собесѣдникъ и владѣлъ удивительно-образною рѣчью. Рѣдко можно было встрѣтить человѣка, такъ удивительно хорошо владѣвшаго Русскимъ языкомъ. Незадолго уже до смерти Сухово-Кобылина познакомившійся съ нимъ Ю. Бѣляевъ писалъ въ его некрологѣ: „Это былъ едва ли не самый интересный человѣкъ, съ которымъ мнѣ доводилось встрѣчаться. Русскій аристократъ, помѣщикъ,—и хорошій помѣщикъ,—крѣпостникъ по убѣжденіямъ и прогрессистъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, поклонникъ Ге-

¹⁾ Мы, впрочемъ, привыкли бранить и осуждать все старое. Не проще ли сказать, что судьи были, но не было почти людей? Еще вопросъ, на какомъ судѣ больше шельмуютъ подсудимаго (который еще, м. б., и не виновенъ) въ залускп, на истинномъ турнирѣ краснорѣчія, въ угоду жадной на скандалъ публикѣ, да и не только обвинителя, а и свидѣтеля. Нерѣдко роются во всей жизни человѣка, выкапывая что либо; публично читаются самыя интимныя письма, нерѣдко неизвѣстно для чего. Потомъ все попадаетъ въ газеты. Какой смыслъ такой „публичности?“ Какой же процессъ больше поражалъ человѣка, дореформенный, письменный или теперешній, современный и публичный?

²⁾ Лицо у него, какъ и у сестры его, Елисаветы, было смуглое и нѣсколько восточное. Такое же впечатлѣніе производилъ и отецъ ихъ съ прострѣленнымъ подъ Аустерлицемъ глазомъ. Другимъ глазомъ, пронзительнымъ въ родѣ Филаретовскихъ, онъ много читалъ, и бесѣда его, которою я пользовался, была очень занимательна. П. Б.

гелевской мудрости и яркій, страстный сатирикъ—всѣ эти разнородные элементы какъ-то уживались въ сложной Русской душѣ. О чемъ-бы онъ ни говорилъ, онъ говорилъ своеобразно; чтò ни дѣлалъ-дѣлалъ по своему. Отъ него вѣяло Москвою, вспоминались сороковые годы, просторный барскій домъ... иное въ рѣчахъ его звучало явнымъ анахронизмомъ... А. В. Сухово-Кобылинъ рѣдко говорилъ о „Свадьбѣ Кречинскаго“, и только двѣ послѣдующія пьесы заставляли его оживляться и грозить своимъ врагамъ, изъ которыхъ уже ни одного не оставалось въ живыхъ. О драмѣ своей жизни онъ говорилъ также мало. Вокругъ него заботливо шептались, боясь чѣмъ нибудь растревожить старыя раны. Но въ кабинетѣ надъ кроватью висѣла блѣдная пастель Французской работы въ золоченой рамкѣ. Хорошенькая женщина въ свѣтлорусыхъ локонахъ и съ цвѣткомъ въ рукѣ глядѣла оттуда задумчиво и улыбалась загадочно-грустно. „Вотъ это—она!“ просто сказалъ однажды А. В., потомъ отвернулся и сталъ говорить о чемъ-то другомъ“.

На одномъ изъ самыхъ живописныхъ, а главное самомъ благоустроенномъ и опрятномъ кладбищѣ въ Москвѣ, на Введенскихъ горахъ, гдѣ хоронятся иновѣрцы, легко найти большой памятникъ, со склепомъ*), поставленный А. В. Сухово-Кобылинымъ; на немъ читается краткая Французская надпись: „A la chère et triste mémoire de Louise Elisabeth Simon, née le 1 Avril 1819 † le 7 Novembre 1850“.

При жизни эта особа, прахъ которой здѣсь погребенъ, называлась Московскою купчихою Луизой Ивановной Симонъ-Деманшъ и была героиней несчастнаго романа отст. титулярнаго совѣтника А. В. Сухово-Кобылина. Вся дворня и многіе сторонніе свидѣтели положительно утверждали, что Симонъ была съ нимъ въ „любвонной связи“, самъ же онъ не менѣе категорически это отвергалъ.

На основаніи подлиннаго судебного дѣла (Архивъ Госуд. Совѣта, департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, 1853 г., № 71) мы попытаемся хоть немного поднять завѣсу, которая опустилась на это кровавое дѣло, породившее столько рассказовъ и сплетенъ. Должно, однако, впередъ оговориться, что тайна все же не откроется вполнѣ. Тѣмъ не менѣе будетъ ясно, по крайней мѣрѣ, что трудно винить умершаго писателя въ смерти любимаго имъ человѣка, что основанія черезчуръ шатки, что слѣдствіе было далеко отъ совершенства. Помимо всего этого, дѣло, о которомъ мы говоримъ, чрезвычайно живо, какъ картина Московскаго дворянскаго быта, среди обстановки и привычекъ крѣпостнаго права, растлѣвающее вліяніе котораго отзы-

*) Также похороненъ майоръ Французской службы графъ Фальтамъ, мужъ дочери А. В. Сухово-Кобылина.

валось даже на такихъ людяхъ, какъ А. В. Сухово-Кобылинъ и вся его сравнительно-гуманная семья.

Все, чтò содержать въ себѣ непосредственныя показанія самого Сухово-Кобылина (можетъ быть даже собственноручно имъ написанныя) мы приведемъ цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій и сокращеній, какъ важное для будущаго біографа писателя. Повторяемъ, пусть читатель не надѣется, что предъ нимъ будетъ совершенно поднята завѣса, скрывающая тайну убійства Луизы Симонъ; но тѣмъ не менѣе будетъ ясно, на сколько далеки отъ истины всѣ росказни о томъ, что она убита, по однимъ версіямъ, казачкомъ, бросившимъ въ нее тяжелый мѣдный шандаль, по другимъ—самимъ Сухово-Кобылинымъ, такимъ же способомъ, въ то время, когда Симонъ подкараулила его свиданіе, у него на квартирѣ, съ какой-то знатной домой... Во всемъ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на „шандаль“, а медицинскій осмотръ трупа явно обнаруживаетъ совсѣмъ другіе средства и способы убійства.

9 Ноября 1850 г., уже подъ вечеръ, въ Москвѣ, въ 2¹/₂ верстахъ за Прѣсенской заставой, близъ вала, окружающаго Ваганьково кладбище, по дорогѣ къ Ходынскому полю, найдено было зачоченѣвшее тѣло неизвѣстной женщины. По наружному осмотру она оказалась хорошо сложенной особой, лѣтъ около 35 (на самомъ дѣлѣ ей было 32 годъ). Одѣта она была въ шелковое клѣтчатое платье, голубую бархатную кофточку, на головѣ синія атласная шапочка, совсѣмъ сбившаяся на затылокъ, подъ платьемъ надѣто еще три юбки, бѣлые коленкоровые кальсоны, шелковые бѣлые чулки и теплые бархатные полусапожки. Верхняго платья, шубы или салопы, не было. Распущенные роскошныя русыя волосы, съ воткнутой черепаховой гребенкой (безъ одного зубца) заплетены были въ косу, и косою была кѣмъ-то обвита шея. Подъ волосами зіяла на горлѣ рана, изъ которой вытекло и оказалось на снѣгу весьма немного крови. Трупъ лежалъ ницъ лицомъ, при чемъ снѣгъ подъ нимъ нѣсколько подтаялъ; онъ лежалъ въ 3-хъ саженьяхъ отъ дороги. Съ правой стороны возлѣ самаго трупа виденъ слѣдъ саней, своротившихъ съ большой дороги и прошедшій мимо самаго тѣла, а далѣе впавшій опять въ большую дорогу. По слѣдамъ же конскихъ копытъ видно, что слѣдъ былъ отъ Москвы. Что касается до людскихъ слѣдовъ, то ихъ не было замѣчено. На трупѣ были найдены брилльянтова серьги и на пальцахъ 2 „супира“ съ брилльянтами и розами и золотое кольцо; въ карманѣ оказалось 9 ключей, изъ конхъ 5 на кольцѣ. Часовъ и денегъ не было. Креста на шеѣ не оказалось. „По близости тѣла орудій и никакихъ острыхъ вещей не

оказалось, и слѣдовъ крови болѣе нѣтъ“. По всему ясно было, что трупъ привезенъ былъ убійцами откуда-то изъ другого мѣста. О происшествіи приставъ Прѣсенской части донесъ оберъ-полицеймейстеру, у котораго уже имѣлось сдѣланное 9-же числа поздно вечеромъ заявленіе отставнаго титулярнаго совѣтника А. В. Сухово-Кобылина объ исчезновеніи (въ теченіи уже 2-хъ дней) знакомой его Французенки, жившей на Тверской улицѣ, въ домѣ графа Гудовича, почти рядомъ съ домомъ Московскаго военнаго генераль-губернатора. Сухово-Кобылинъ просилъ оберъ-полицеймейстера принять мѣры къ розыску пропавшей, опасаясь какого либо несчастія. Трупъ былъ предъявленъ крѣпостнымъ дворовымъ людямъ Сухово-Кобылина, служившимъ по приказанію барина у иностранки Симонъ-Деманшъ, и признанъ былъ за ихъ исчезнувшую госпожу. Эти люди были: рабочій, ѣздившій за кучера, Галактіонъ Козьминъ, паренъ лѣтъ 18, и кучерь Игнатій Макаровъ.

По наружному осмотру „убитаго тѣла“ врачомъ Тихомировымъ, оказалось: „на передней части шеи, ниже гортанныхъ хрящей, находится поперечная, какъ бы порѣзанная, съ ровными расшедшимися краями окровавленная рана, длиною около 3 вершковъ; дыхательное и пищепріемное горло, обѣ боковыя сонныя артеріи и обѣ крововозвратныя яремныя жилы, съ поврежденіемъ другихъ близъ лежащихъ мягкихъ частей и сосудовъ, совершенно перерѣзаны. На верхней части всей шеи замѣтенъ поперечно вдавленный рубецъ, въ объемъ мизинца; на лбу небольшое, около вершка, продолговатое, темнобагроваго цвѣта пятно; кругомъ лѣваго глаза, величиною въ ладонь, темнобагроваго цвѣта опухоль съ подтекомъ крови, закрывшая весь глазъ; на лѣвой рукѣ, начиная отъ плеча до локтя, на задней сторонѣ, находится сплошное, темнобагроваго цвѣта съ подтекомъ крови пятно, по срединѣ котораго замѣтенъ вдавленный рубецъ темнаго цвѣта, косвеннаго направленія, ближе къ локтю; на концѣ этого пятна видна незначительная трехугольная поверхностная ссадина; на второмъ сгибѣ средняго пальца лѣвой руки тоже замѣтна поверхностная ссадина, величиною въ ноготь мизинца. По всему лѣвому боку, къ задней его сторонѣ, находится сплошное яркочернаго цвѣта, въ четверть листа бумаги величиною, пятно, на коемъ видны во множествѣ разной величины темнубураго цвѣта пятна съ подтекомъ крови. На лѣвомъ вертикалѣ находятся 2 поверхностныя, величиною въ четвертакъ, ссадины, окруженныя темнобагроваго цвѣта пятномъ, величиною въ ладонь; на поясицѣ замѣтны таковыя же 3 поверхностныя ссадины“. По „анатомическому свидѣтельству“, произведенному тѣмъ же Тихомировымъ,

вмѣстѣ съ старшимъ штабъ-лѣкаремъ полиціи Гульковскимъ, всѣ органы оказались въ нормальномъ состояніи; поврежденія же были слѣдующія: подъ пятномъ на лѣвомъ боку найдено „большое ссѣдшееся кровоизліяніе“, затѣмъ „седьмое, восьмое и девятое ребра лѣвой стороны переломлены, а девятое ребро даже съ раздробленіемъ кости“.

Оба врача пришли къ заключенію, что смерть Симонъ-Деманшь „послѣдовала отъ чрезмѣрнаго наружнаго насилія, слѣдствіемъ коего были помянутыя поврежденія тѣла, и въ особенности отъ безусловно-смертельной раны на передней части шеи“.

Звѣрское убійство въ самомъ центрѣ города, подъ бокомъ у грознаго хозяина Москвы, Загревскаго, конечно, всполошило всю полицію. Ни военный караулъ на Прѣсенской кордегардіи, ни находившійся у заставы надзоръ отъ виннаго откупа не видали, чтобъ что нибудь вывозили или кто либо выѣзжалъ ночью по направленію къ тому мѣсту, гдѣ былъ найденъ трупъ; должно быть, ничего подозрительнаго не видалъ и пресловутый бутошникъ съ аллебардой, будка котораго находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома графа Гудовича.

Оберъ-полицеймейстеръ поручилъ произвести слѣдствіе приставу городской части Хотинскому. Осмотръ квартиры убитой ничего не далъ; вещи, письма и бумаги ея были опечатаны; не удалось также разыскать и извозчика, который бы возилъ кого ночью на 9 число за Прѣсенскую заставу, или по крайней мѣрѣ у кого либо изъ нихъ окривавленные сани. По словамъ Сухово-Кобылина, Симонъ имѣла привычку ѣздить на самыхъ плохихъ извозчикахъ, такъ что онъ опасался какъ бы она не попала подъ какой нибудь экипажъ. Полиціи удалось только подробно выяснить, гдѣ была и что дѣлала убитая въ послѣдній день жизни, до вечера, когда всѣ слѣды спутываются: она исчезаетъ.

Во Вторникъ, 7 Ноября, Л. И. Симонъ-Деманшь почти весь день провела внѣ дома; объ этомъ подробно разсказалъ парень Галактіонъ Козьминъ, ѣздившій съ ней, на ея лошади, въ этотъ день, вслѣдствіе болѣзни кучера. Надо сказать, что знакомства большого у Симонъ не было: Сухово-Кобылинъ, иностранка, ея пріятельница Эрнестина Ландертъ, съ которой она познакомилась, когда, пріѣхавъ въ Москву въ 1841 г., поступила въ модный магазинъ Мене. Эта Эрнестина жила съ отст. подпоручикомъ Серг. Петровичемъ Сушковымъ*). Затѣмъ было еще Французское семейство Киберь, жившее въ селѣ Хорошевѣ, близъ Москвы. Вотъ и все ея знакомство.

*) Братъ поэтессы графини Е. П. Ростопчиной.

Во Вторникъ, 7 Ноября, Л. Симонъ выѣхала изъ дому часовъ въ 9 утра, на своей лошади, съ рабочимъ Галактіономъ Козьминимъ, и заѣхала сначала въ Газетный переулочекъ въ домъ Наумова, къ своей пріятельницѣ Эрнестинѣ Ландертъ. Отъ нея поѣхала въ Охотный рядъ, гдѣ закупила разной провизіи по просьбѣ Эрнестины, которая пригласила ее къ себѣ обѣдать. Вернувшись изъ Охотнаго и пробывъ недолго у Эрнестины, Симонъ заѣхала домой, а оттуда отправилась въ книжный магазинъ Дюкло, въ Леонтьевскомъ переулкѣ. Взявъ тамъ цѣлый ящикъ книгъ, она повезла ихъ на Никольскую (въ домъ Чижова) въ контору Шепелевыхъ (т. е. дяди Сухово-Кобылина), отсюда проѣхала на Маросейку къ портнихѣ Друве. Заѣхавъ затѣмъ домой и переодѣвшись, Луиза Ивановна отправилась на обѣдъ къ Эрнестинѣ, гдѣ кромѣ хозяйки, были еще подпоручикъ Сушковъ и молодой человекъ Самуилъ Александровичъ Панчулидзевъ. Послѣ обѣда всѣ поѣхали кататься, въ 2-хъ саняхъ, при чемъ на лошади Симонъ-Деманшъ ѣхали Эрнестина съ Сушковымъ, а въ саняхъ Панчулидзева, „молодого, высокаго человекъ съ усами“, сидѣла Деманшъ. Катались они отъ Тверскихъ воротъ до Мясницкихъ, т. е. по бульварамъ, оттуда заѣхали на Кузнецкій мостъ въ кондитерскую Люке, потомъ къ Эрнестинѣ, откуда домой вернулась Симонъ около 9 ч. вечера и велѣла отпрячь свою лошадь. Послѣ этого слѣды исчезаютъ... Все предъидущее, основанное на показаніи Галактіона Козьмина, было подтверждено свидѣтелями и не возбуждало никакого сомнѣнія. Кромѣ того Эрнестина Ландертъ и ея кавалеры показали слѣдующее. Эрнестина между прочимъ рассказала, что познакомилась съ Симонъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда она служила въ магазинѣ Мене; пріѣхала она въ Россію по своей волѣ, съ какими-то иностранцами; отъ нея самой она слышала о ея любовной связи съ Сухово-Кобылинымъ, но „были ли сдѣланы со стороны послѣдняго какія либо обязательства къ вознагражденію Деманшъ, она не знаетъ“, равно не знаетъ „какого она была поведенія и состоянія“. Поручикъ С. П. Сушковъ сообщилъ, что передъ катаньемъ, сходя съ лѣстницы, Деманшъ предлагала ѣхать кататься въ Петровскій паркъ, но онъ посоветовалъ кататься по городу и заѣхать къ Люке ѣсть мороженое, на что она согласилась; такъ и было сдѣлано. По возвращеніи съ катанья Симонъ пробыла не болѣе 5 минутъ, спѣшила домой, не осталась пить чай и обѣщала заѣхать на другой день. Сушкову въ этотъ день она показала особенно веселой и въ хорошемъ расположеніи духа. Между прочимъ она рассказывала ему, что наконецъ уложила въ ящики остатки вина отъ бывшаго у нея раньше виннаго погреба, чтобы отправить это вино въ деревню къ Шепелеву, отъ котораго рассчитывала получить деньги. „Она очень радовалась, что у

нея заведется наконецъ свой капиталъ (*qu'elle serait rentière*) и предполагала, что со временемъ и Кобылинъ для нея что-нибудь сдѣлаетъ для обезпеченія ей жизни“. При этомъ Сушковъ прибавлялъ, что „ему извѣстно, что все что она имѣла и чѣмъ жила, давалъ ей Кобылинъ“. Панчулидзевъ особеннаго ничего не могъ сказать, такъ какъ недавно только познакомился съ Деманшъ у Сушкова и видѣлъ ее всего раза три, въ послѣдній разъ обѣдалъ съ нею 7 Ноября, потомъ каталъ ее въ своихъ саняхъ и въ началѣ 10 часа везъ ее до квартиры Ландертъ. „Поведеніе ея и состояніе ему совершенно неизвѣстны“, онъ даже не зналъ о ея близости къ Сухово-Кобылину.

Такимъ образомъ было совершенно ясно, гдѣ и какъ провела Симонъ весь день до 9 часовъ вечера. Въ 10 часу что-то должно было произойти, ибо послѣ этого времени свѣдѣнія дѣлаются неточными. Естественно было слѣдователямъ обратить вниманіе на ея прислугу. Всѣ люди служившіе ей были крѣпостные Сухово-Кобылина, который имѣлъ довѣренность отъ своего отца на управленіе всеми имѣніями. Всѣ они жили по паспортамъ и какъ-бы добровольно за жалованье. На самомъ дѣлѣ это было не совсѣмъ такъ, баринъ и опредѣлялъ ихъ на службу, къ Симонъ и убиралъ ихъ обратно по ея желанію. Прислуга эта, въ день убійства, состояла: изъ кучера, мальчика Галактіона Козьмина, „дворовыхъ дѣвокъ“ вдовы Аграфены Ивановой Кашкиной, 27 лѣтъ, дѣвки Пелагеи Алексѣевой, около 50 лѣтъ, и повара Ефима Егорова, приходившаго каждый день къ Симонъ готовить, молодого человѣка лѣтъ 20. Его обучалъ знаменитый Московскій поваръ Петръ Дорофеевъ, на кухнѣ у извѣстнаго гастронома М. Ѳ. Рахманова. Егоровъ закончилъ свое кулинарное образованіе на кухнѣ самого графа Воронцова-Дашкова и въ обоихъ этихъ домахъ, по мнѣнію его барина Сухово-Кобылина, сильно избаловался и привыкъ къ роскоши. Симонъ должна была слѣдить за его расходами и сокращать его широкія замашки. „Дворовыя дѣвки“ обѣ показали, что Луиза Ивановна, вернувшись домой и узнавъ, что отъ барина приходилъ поваръ и не дождался ея, написала барину письмо и стала ждать отвѣта, а не дождавшись одѣлась въ салопъ и ушла изъ дому. Больше же она не возвращалась. Такъ какъ она часто такъ уходила къ Сухову-Кобылину, то женщины прождали ее всю ночь, съ огнемъ. Между тѣмъ въ этотъ вечеръ самого Сухово-Кобылина не было дома: онъ, съ сестрой графиней Сальясъ, былъ на вечерѣ у Надежды Ивановны Нарышкиной*), жившей на Тверской, противъ Англійскаго клуба, въ домѣ Альфонскаго, откуда вернулся только въ 2 часа ночи.

*) Александръ Григорьевичъ Нарышкинъ († 1855 г.), его жена Надежда Ивановна (р. 1825), рожд. Кноррингъ, въ 2-мъ бракѣ за Александромъ Дюма-сыномъ.

Уже въ первомъ своемъ показаніи мальчикъ Галактіонъ Козьминъ, въ заключеніи, показалъ, что Деманшъ обращалась строго съ горничными и кухарками, а съ нимъ ничего, одежду давала имъ недостаточную, а пищею были довольны; строгость же ея состояла въ томъ, что „бывала изъ своихъ рукъ“. Кашкина и Иванова вполне это подтвердили, прибавивъ, что нрава она была вспыльчиваго, „за всякую бездѣлицу взыскивала и бывала изъ своихъ рукъ“, но злобы противъ нея не имѣли и мстить не хотѣли. Показывали онѣ также, что она ссорилась и иногда крупно говорила, съ Кобылинымъ, причемъ тотъ уходилъ, хлопнувъ дверью. Полиція постаралась очень внимательно выяснитъ вопросъ объ обращеніи убитой съ ея прислугой. Всѣ согласно показывали, что она была строга, вспыльчива, дралась, что въ послѣднее время даже стала еще злѣе. О ея „строгости“ показали и сторонніе люди, прислуга другихъ жильцовъ, дворовые въ домѣ гр. Гудовича. Подтвердилъ это даже студентъ князь Радзивиллъ, жившій надъ квартирой Симонъ и не бывшій лично съ ней знакомъ. Въ то время, когда далеко не гонялись за каждымъ пинкомъ, это что нибудь да значило.

Какъ же относился къ этому баринъ? Всѣ дворовые увѣряли, что барину на Луизу Ивановну жаловаться было нельзя: онъ грозилъ розгами, ссылкой въ деревню, иногда отдавалъ изящную Московскую горничную замужъ за мужика, въ глуши, иногда самъ собственноручно бивалъ и однажды избилъ Пелагею Алексѣеву „до безпамятства“. Иногда Деманшъ била дѣвушекъ при самомъ баринѣ, въ глазахъ котораго онѣ всегда были виноваты, и если жаловались „еще и отъ него получали пощечины“. Одной дѣвушкѣ, Настасьѣ Никифоровой, проживавшей въ Москвѣ въ горничныхъ сначала у барыни, матери Сухово-Кобылина, а затѣмъ 6 лѣтъ у Деманшъ, однажды удалось принести жалобу самому военному генералъ-губернатору, который приказалъ произвести осмотръ побоевъ, синяковъ и опухолей на лицѣ и на тѣлѣ. Жалоба оказалась справедливою, и Закревскій приказалъ взять подписку съ Симонъ, что она будетъ хорошо обращаться съ прислугой и удерживаться отъ побоевъ; при этомъ Французенка должна была еще заплатить избитой 10 рублей. Русскаго помѣщика, гегеліанца, нисколько видимо не возмущало, что заѣзжая иностранка могла расправляться такъ съ Русскими людьми, какъ не посмѣла бы у себя на родинѣ ни съ кѣмъ. Прислуга объясняла ея жестокость тѣмъ, что она, кромѣ горячаго „строптиваго“ характера, еще „худо говорила по русски“, такъ что дѣвушки не сразу понимали ее, что ее особенно „выводило изъ себя“; а помѣщикъ хладнокровно показывалъ, что Си-

монъ больше „выговаривала имъ съ бранью, и иногда съ малыми и незначительными побоями“, объясняя, что Русская нерадивость и старанія оправдаться особенно возмущали „аккуратную иностранку“. Между прочимъ всѣмъ этимъ людямъ назначалось жалованье, но его они совсѣмъ не получали, да и платъе давалось очень не щедро: въ теченіе 10 мѣсяцевъ службы Аграфены Ивановой сшито было одно платъе и два шейныхъ платка „по пятіалтынному“. Сама Луиза Деманшъ говорила Сушкову, что „люди ея не любятъ ея“, такъ что Сушковъ первый высказалъ предположеніе, что вѣрнѣе всего она убита прислугой, ибо другихъ враговъ у нея не было, а Кобылинымъ она была довольна.—Уже начиная съ утра 8 Ноября, Сухово-Кобылинъ сталъ сильно беспокоиться, посылалъ всюду о ней узнавать. Зять его, полковникъ М. Ѳ. Петрово-Соловово и Сушковъ принимали горячее участіе. Последній прислалъ слѣдующее письмо: „Въ случаѣ, что мадамъ Симонъ-Деманшъ еще не отыскалась, позволю, любезный Кобылинъ, подать тебѣ совѣтъ въ этомъ затруднительномъ обстоятельстве. По мнѣнію моему, вѣроятно произошло какое-нибудь несчастіе; потому что она, уѣзжая отъ Эрнестины, говорила, что ей хотѣлось бы еще погулять въ саняхъ и въ особенности прокатиться въ Петровское; а такъ какъ она уѣхала на извозчикѣ изъ дома одна, то или ее задавилъ экипажъ, или сильно ушибли, или въ Петровскомъ обворовали и даже могли и убить. Въ первомъ случаѣ, т. е. несчастія на улицѣ, вѣроятно полиціи оно уже извѣстно, но только странно, что она такъ долго не могла придти въ память, чтобы дать о себѣ знать. Въ случаѣ же грабежа, тебѣ нужно дать тотчасъ подробное описаніе въ полицію о ея наружности, платъѣ, салопѣ, шляпкѣ; на ней были кольца съ брилльянтами и брошка. По этимъ слѣдамъ могутъ поймать вора и попасть на слѣдъ. Эрнестина поручила сказать тебѣ, что можно испытать еще одно средство, которое иногда удавалось: приказать свести собачку ея (Жипси) въ паркъ и посмотреть, не наткнетъ ли инстинктъ животного, очень къ ней привязаннаго, на ея слѣдъ? Попытка не мудреная, но попробовать можно; вѣроятно ты очень встревожился“. Послано было это письмо въ Четвергъ 9 Ноября днемъ. Уже 12 Ноября во флигелѣ, изъ 5 комнатъ, гдѣ жилъ на Страстномъ бульварѣ въ домѣ матери своей А. В. Сухово-Кобылинъ, былъ произведенъ обыскъ. Полиція искала все салопъ, въ которомъ должна была выйти изъ дому Симонъ-Деманшъ, и слѣдовъ крови. Надо сказать, что при анатомированіи трупа онъ оказался очень „малокровнымъ“, что приписывалось ранѣ на горлѣ, при которой должна была быть большая потеря крови. Ея не оказалось ни на снѣгу, ни на платъѣ убитой, ею не было даже испачкано и тѣло!.. Салопа ни теперь, ни послѣ такъ и не нашли; но въ квар-

тирѣ Сухово-Кобылина неожиданно обнаружили слѣды крови: „въ комнатѣ, называемой залой, видны на стѣнѣ къ сѣнямъ кровавыя пятна, одно продолговатое въ вершокъ длиною, въ видѣ распустившейся капли, другое въ 5 копѣечную серебряную монету, разбрызганное“. Кромѣ того обнаружились на штукатуркѣ какія-то подозрительныя затертыя пятна, крашеные полы свѣжевымытыми, а на черномъ крыльцѣ и на ступеняхъ также кровавыя пятна и брызги, одно въ $\frac{1}{4}$ аршина, частью тоже смытыя“... Въ это время всѣ люди Сухово-Кобылина, жившіе у Симонь, а также его камердинеръ, были уже арестованы. Послѣ повтореннаго 16 Ноября въ квартирѣ самого Кобылина обыска, самъ онъ былъ вызванъ въ Слѣдственную Комиссію, гдѣ такъ записали его показаніе: „Ноября 16 дня, при увѣщаніи священника, отст. титулярный совѣтникъ Александръ Васильевъ Сухово-Кобылинъ, на вопросы пункты въ Городекомъ Частномъ домѣ, отвѣчалъ, что иностранку Луизу Симонь-Деманшь знаетъ, познакомился съ нею въ г. Парижѣ, во время своего тамъ пребыванія, писала себя вдовою, но сколько ему извѣстно была дѣвица, а о родныхъ утверждала, что никого не имѣетъ, и онъ при ней никого не видалъ, а равно и переписки никакой не замѣчалъ; по званію своему была Французская гражданка. Она прибыла въ Россію 6 Октября 1842 г. по собственному желанію, одна, на пароходѣ „С.-Петербургъ“; въ Москву прибыла въ концѣ Октября или въ началѣ Ноября, во время его отсутствія, и опредѣлилась модисткою въ магазинъ Мене, на Кузнецкомъ мосту; по прибытіи его въ Москву, приискана имъ для нея квартира въ домѣ Засѣцкаго на Рождественкѣ, гдѣ она и жила. Отношенія его къ ней были, какъ и прежде, любви и сердечной привязанности. Знакомыхъ всегда имѣла весьма ограниченное число, именно: г-жу Киберъ и ея семейство, иностранку Эрнестину Ландертъ, доктора Реми, г. Сушкова, иностранца Бессай и жену его; особенно близкаго дружба, сколько ему извѣстно, ни съ кѣмъ не имѣла, кромѣ его матери и сестры, къ которымъ питала глубокое уваженіе и привязанность. Сколько ему извѣстно, она, Деманшь, состоянія въ Парижѣ никакого не имѣла, прибыла въ Россію частью на свои деньги, частью на его, данныя ей заимообразно, содержала себя жалованьемъ, получаемымъ отъ Мене, частью его пособіями. Впослѣдствіи имъ былъ данъ ей капиталъ на заведеніе вино-торговаго магазина, который она и держала первона-

*) Убитой Симонь А. В. Сухово-Кобылина, кажется, не видалъ. Ее похоронили 12 Ноября, и въ хлопотахъ по погребенію принимали участіе сестры его графиня Салиасъ и Петрово-Соловова. Над. Ив. Нарышкина писала записку о похоронахъ къ аббату Кудеру, которую возилъ студентъ Теокистовъ и просилъ аббата, если приѣдетъ Сухово-Кобылинъ, сказать ему, что тѣло видѣть запрещено.

чально въ домѣ Попова, а потомъ въ домѣ Чижова, на Никольской улицѣ, каковой, по скудости торговли, прекратила въ 1849 году и остальное время жила на всемъ его содержаніи. На путевыя издержки имъ дано было приблизительно до 100 франковъ, а на заведеніе винно-торговаго магазина выдавалъ онъ въ разныя времена денежныя суммы и другіе предметы, приблизительно до 60 т. руб. ассигн. Въ послѣдній разъ свиданіе его съ Симонъ-Деманшъ было въ Понедѣльникъ (6 числа) на ея квартирѣ, они были одни, и никого изъ постороннихъ не было; въ своемъ же домѣ онъ ея, со времени пріѣзда своихъ родственниковъ, не видалъ; въ которомъ часу дня ее видѣлъ, не припомнить, но думаетъ, что утромъ. Родственники же его прибыли въ домъ 3-го или 4-го числа Ноября. Заходилъ къ ней на квартиру днемъ, но не засталъ дома, по особенной надобности никого къ ней не посылалъ, но нѣкоторые изъ людей его, какъ-то поваръ и конторщикъ, явились къ ней по своимъ обязанностямъ: 1-й за распоряженіями относительно стола, второй съ отчетомъ по домашнему расходу, за которымъ она наблюдала и имѣла у себя деньги для расхода. Возвратясь домой, онъ нашель у себя на туалетномъ столѣ полученную отъ нея весьма малую записку, въ которой она сообщала ему, что для расхода у нея осталось мало денегъ, а потому, вынувъ изъ кошелька 3 Россійскихъ полуимперіала, онъ отложилъ оныя на столъ, приказавъ камердинеру на утро 8 числа вмѣстѣ съ запискою доставить ихъ ей. Вечеромъ 7 Ноября онъ находился на вечерѣ у Ал. Гр. Нарышкина, гдѣ и ужиналъ. Часу во 2-мъ по полуночи возвратился домой; не заставъ никого, раздѣтъ былъ камердинеромъ и легъ спать. Въ наружности камердинера ничего особеннаго не замѣтилъ, впрочемъ и вниманія на него особеннаго не обратилъ. Сколько можетъ онъ припомнить, отправился онъ на вечеръ и возвратился домой пѣшкомъ, ибо его лошади были заняты сестрами, а извозчика этотъ вечеръ не нанималъ. На вечеръ къ Нарышкину отправился онъ въ 8 часу или 9-го четверть. До обѣденнаго времени, т. е. до 5 часа, въ домѣ не находился, вечеромъ же обѣдалъ съ зятемъ Соловымъ и его женою и никого не принималъ и не видалъ до тѣхъ поръ, пока отправился на вечеръ. По отсутствію своему изъ дому была ли Деманшъ въ 9 ч. вечера 7 числа одна или съ кѣмъ нибудь, опредѣлить не можетъ и отъ людей своихъ о семъ ничего не слыхалъ. Возвратясь съ вечера, онъ нашель на столѣ записку отъ Симонъ-Деманшъ, въ которой просила у него на расходъ денегъ и въ тоже время въ краткихъ словахъ упоминала, что давно не видала; онъ съ своей стороны, отложивъ 3 Россійскихъ полуимперіала, написалъ къ ней нѣсколько словъ, подтвердивъ камердинеру доставить письмо и деньги чрезъ по-

вара Ефима ей, Деманшъ, но оныхъ ни съ кѣмъ не посылалъ; ибо, вставъ самъ рано по утру и желая ее видѣть, сказалъ камердинеру, что отдасть деньги самъ. Вышедши изъ дому въ 9 часу, положилъ деньги обратно въ кошелекъ и отправился на квартиру къ ней, гдѣ узналъ, что ея, Деманшъ, дома нѣтъ, и по словамъ ея горничной не возвращалась съ 10 ч. вечера. Во все время его сношеній съ Деманшъ, онъ не можетъ припомнить дня, въ который бы поведеніе ея не было равно отлично и примѣрно; образъ ея жизни былъ самый скромный, уединенный, наполненный домашними занятіями, довольно правильный, при самомъ маломъ числѣ знакомыхъ. Ссоръ и неудовольствій ни съ кѣмъ не имѣла. Въ любовной связи ни съ кѣмъ не замѣчалъ и ни къ кому ея не ревновалъ, она же весьма часто ревновала его. 8 Ноября онъ получилъ первое безпокойство объ отлучкѣ Симонъ-Деманшъ, при посѣщеніи ея квартиры въ 9 часу утра. Ожидая возвращенія ея, заходилъ въ 12 и въ 2 часу, вслѣдствіе чего и рѣшился отправить нарочнаго въ село Хорошево, къ знакомой ея Киберъ, къ которой часто ѣзжала и проводила ночи; самъ же отправился обѣдать къ родственнику своему, князю Вреде. Возвратясь домой и получивъ извѣстіе, что Деманшъ въ Хорошевѣ не видали и она не бывала, обезпокоенный симъ извѣстіемъ, взявши извозчика, отправился въ квартиру распросить ея людей, заѣзжалъ къ знакомой ея Эрнестинѣ Ландертъ и, не получивъ никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній, отправился въ Тверскую часть для развѣдыванія, не случилось ли въ ночи какого-либо несчастія на улицахъ той части. Получивъ отрицательный отвѣтъ, снова возвратился въ квартиру Симонъ-Деманшъ, въ ожиданіи ея возвращенія. Было уже часовъ 11 вечера. Отпустивъ извозчика, приказалъ заложить работнику ея, Галактіону, лошадь въ сани и поспѣшно возвратился домой сообщить свой страхъ зятю своему; поговоря съ нимъ, они рѣшились отыскивать оберъ-полицеймистра, на каковой конецъ и отправились въ его домъ, оттуда въ Англійскій клубъ, а оттуда въ домъ Купеческаго собранія, гдѣ они его и нашли; при чемъ, вызвавъ его въ переднюю, спрашивали: не сообщено ли ему о какомъ-либо несчастномъ случаѣ отъ экипажей, постигшемъ женщину въ синемъ салопѣ; оберъ-полиціймейстеръ отвѣчалъ отрицательно, спросивъ ихъ, по какому поводу они предлагаютъ ему сей вопросъ, на что онъ объяснилъ, что знакомая ему Французенка ушла со двора вчера вечеромъ, въ 10 часу, и по сіе время не возвращалась, что и заставило его предполагать, что съ нею случилось какое-либо несчастіе. Былъ уже часъ 1-й ночи; онъ, отвезя зятя своего въ домъ, возвратился на квартиру къ Симонъ-Деманшъ, все еще поддерживаемый слабою надеждою о ея возвращеніи, но прождалъ напрасно

всю ночь. Утромъ часу въ 7, зять его, Петрово-Соловово, прибылъ къ нему, желая начать новые поиски; а какъ наканунѣ слышалъ онъ отъ Ландертъ, что она, Симонъ-Деманшъ, имѣла намѣреніе прокатиться въ Петровскій паркъ, то они и направились по сему направленію собирать слухи и свѣдѣнія; но, проѣхавъ до Башиловской будки, ничего новаго не открыли, отправились въ домъ оберъ-полицеймейстера и явились къ нему съ объясненіемъ, что проживающая въ домѣ графа Гудовича Французенка Симонъ-Деманшъ другую уже ночь не являлась въ домѣ, и что предполагають, что съ ней случилось несчастіе, а потому просили его сдѣлать по сему предмету распоряженіе. На вопросъ его, куда она могла выйти, онъ указалъ два направленія: С.-Петербургское шоссе и Хорошево, какъ такія мѣста, куда она или по знакомству съ Киберъ, или по словамъ Ландертъ для прогулки могла ѣхать. Болѣе къ отысканію Симонъ-Деманшъ никакихъ дѣйствій не предпринималъ. Въ началѣ предполагалъ, что не подверглась ли она несчастію отъ экипажей, потому что имѣла постоянную привычку ѣздить на самыхъ плохихъ извозчикахъ; когда же предположеніе его было опровергнуто словами оберъ-полицеймейстера, то, не видя ея возвращенія, сталъ опасаться за ея жизнь. Впрочемъ, до самаго объявленія ему, онъ имѣлъ надежду видѣть ее въ живыхъ. Въ разговорѣ же о судьбѣ ея, прежде ея отысканія, онъ многократно изъяслялъ опасенія въ своемъ семействѣ и домѣ о томъ, не убита ли она. Завѣдывать экономіею Деманшъ стала съ давняго времени, въ чемъ всегда совѣтовались; вмѣстѣ онъ обѣдалъ съ нею, иногда у нея на квартирѣ и рѣдко у него въ домѣ, и всегда совѣтовались касательно расходовъ въ домѣ его, которые она всегда находила великими, особливо, когда ими завѣдывалъ поваръ его. Вслѣдствіе сего нынѣшнею осенью, говоря объ этомъ много, согласились они, чтобы она расходы приняла на себя, какъ-то: завѣдываніе домою, расходомъ и выдачей денегъ и покупкою всей провизіи; вслѣдствіе сего и сдѣланы ею для дома запасы, а именно: куплено ею до 2 пуд. чаю и значительное количество всякаго столоваго вина, разливкою котораго она и занималась даже предъ послѣднимъ днемъ своей жизни, а также и въ продолженіе всего времени его съ нею жизни. Она *всегда изъясляла ревность* къ тѣмъ дамамъ, куда онъ часто ѣздилъ или близко былъ знакомъ; ревность эта, однако никогда не выходила изъ предѣловъ обыкновенной шутки, подшучиванія, иногда и просьбы, чтобы часто въ такой домъ или къ такой не ѣздить. Естественно, что, въ продолженіе девяти лѣтъ, лица эти смѣнялись другими; изъ всего этого неудовольствій, а тѣмъ менѣе ссоръ и разрыва связи ихъ, не происходило. Всѣ люди, находившіеся у него, Кобылина, и у Симонъ-Деманшъ въ услуженіи до 7 числа, состоятъ

сполна на лицо. Зла и недоброжелательства особеннаго онъ въ людяхъ не замѣчалъ, однако полагаетъ, что поваръ его могъ имѣть неудовольствіе въ томъ, что столовый расходъ былъ имъ переданъ Деманшъ, о чемъ онъ уже упомянулъ. При осмотрѣ квартиры его дѣйствительно найдены два, весьма малыя кровавыя пятна не въ залѣ, а въ прихожей комнатѣ, ведущей въ сѣни и кухню, происшедшія отъ двухъ капель, попавшихъ на стѣну, поелику онъ проживаетъ въ этой квартирѣ только съ 4 числа сего мѣсяца, до него же жили въ оной многіе изъ его родственниковъ, а въ особенности мать его и тетка, тайная совѣтница Жукова, со всѣмъ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ 8 человекъ, съ прислугою, имѣя двухъ больныхъ дочерей, коихъ она пользовала, какъ-то: ставила пѣвки и тому подобное, и наконецъ здѣсь же проживала, тою же осенью, двоюродная сестра его, тайная совѣтница Бороздина съ дѣвкою; а потому онъ Сухово-Кобылинъ совершенно опредѣлить не можетъ причины, по которой оныя капли на стѣнѣ оказались. Къ тому же, какъ замѣтно, онѣ были стары, и вся стѣна его довольно ветха, что доказываетъ во многихъ мѣстахъ осыпавшаяся штукатурка. Онъ же, съ своей стороны, переходя въ эту квартиру изъ собственныхъ своихъ покоевъ, которые уступилъ своему зятю и женѣ его, предполагая пробить въ оной нѣсколько дней, не имѣлъ нужды заботиться возобновлять и окрашивать оную. Огромное количество черныхъ пятенъ, которыя видны на стѣнѣ второй комнаты, доказываетъ, что онъ не имѣлъ времени и желанія хлопотать о поновленіи и чисткѣ этихъ покоевъ. При этомъ необходимымъ находить онъ присовокупить, что камердинеръ его подверженъ кровотеченію изъ носу, и потому не мудрено, что, живя въ этой комнатѣ и обертываясь къ стѣнѣ, онъ и самъ могъ запачкать оную, а равно и прислуга матери его, Кобылина, потомъ тайной совѣтницы Жуковой и, наконецъ, тайной совѣтницы Бороздиной, которыя помѣщались въ этой комнатѣ, легко могли запачкать стѣну сими двумя кровавыми пятнами по какому-либо болѣзненному припадку или случаю, какъ-то: обрѣзу, уколоу и т. п. Что же касается до кровавыхъ пятенъ, замѣченныхъ въ сѣняхъ, ведущихъ въ кухню, а равно и на ступеняхъ крыльца чернаго, ведущаго въ ту же кухню, то безо всякаго сомнѣнія они произошли отъ поваровъ, которые въ сѣняхъ прикалывали живность для стола, привозимую изъ деревни, чистили рыбу и производили подобныя сему дѣйствія, соединенныя съ поварскою должностію, всегдашнимъ изліяніемъ крови, затѣмъ, что въ сѣняхъ всегда стоитъ и помойная лохань, а равно и др. утварь и кадучки. О смерти же Деманшъ сперва узналъ отъ квартальнаго поручика Максимова, который, не объявивъ ему Кобылину причину ея смерти, сказалъ, что найдено за Прѣсен. заста-

вой тѣло женщины зарѣзанной; онъ же о сей смерти никакихъ предположеній опредѣлительно не дѣлалъ, да и дѣлать не могъ, ибо не имѣлъ по сему случаю никакихъ данныхъ, участія въ оной никакого не принималъ и подозрѣній никакихъ не имѣлъ, кромѣ извозчика, на которомъ она, быть можетъ, для прогулки ѣздила. По причинѣ безпрерывныхъ свиданій съ Симонъ-Деманшъ онъ Кобылинъ писемъ не получалъ и оныхъ не имѣеть, а получалъ малыя записки, относящіяся къ ежедневнымъ домашнимъ ея нуждамъ, потребностямъ и прочему, которыя (записки) всегда, какъ ненужныя, уничтожалъ, а какія остались, то были взяты у него при обыскѣ. Послѣ смерти Симонъ-Деманшъ, онъ полагаетъ, что денежнаго состоянія никакого не осталось по тому самому, что на содержаніе ея онъ же самъ, по мѣрѣ нужды, выдавалъ ей деньги, а изъ дома его отпускаемы были всякаго рода провизія и припасы. Денежныхъ обязательствъ онъ, Кобылинъ, Симонъ-Деманшъ ни въ Парижѣ, ни здѣсь никогда не выдавалъ, да и быть этого не могло, ибо она сама всегда состояла, да и нынѣ состоитъ, его должницею; а до какой суммы, теперь опредѣлить не можетъ. Ожидала ли его, Кобылина, Симонъ-Деманшъ вечеромъ 7 Ноября, ему неизвѣстно; намѣренія же быть у нея онъ имѣть не могъ, ибо онъ самъ приглашенъ былъ на вечеръ“.

Такъ отвѣчалъ А. В. Сухово-Кобылинъ на вопросные пункты, предложенные ему. Однако слѣдователи, приставъ Хотинскій и слѣдственныхъ дѣлъ стряпчій Троицкій нашли показанія его не вполне удовлетворительными, въ виду нѣкотораго разнорѣчія (не существеннаго и потомъ устраненнаго на очныхъ ставкахъ) съ „отвѣтами“ камердинера Макара Лукьянова и повара Ефима Егорова, и сдѣлали постановленіе объ арестѣ Сухово-Кобылина, „равно принявъ въ соображеніе кровавыя пятна на его квартирѣ, т. к. эти обстоятельства наводятъ сильное подозрѣніе относительно убійства купчихи Симонъ-Деманшъ“.

Между тѣмъ графъ Закревскій, видимо не довольный медленностью слѣдствія и отсутствіемъ результатовъ, 17 Ноября учредилъ особую Слѣдственную Комиссію, подъ предѣлательствомъ чиновника особыхъ порученій колл. сов. Шлыкова, „по важности обстоятельствъ“, предписавъ „употребить самыя строгія мѣры къ открытію виновныхъ въ преступленіи“.

Неизвѣстно, долго ли пришлось сидѣть Сухово-Кобылину, если бы дѣло неожиданно не приняло другого оборота. 20 Ноября онъ былъ уже выпущенъ на свободу, пробывъ подъ арестомъ всего 4 дня.

Надо сказать, что Слѣдственная Комиссія энергично принялась за дѣло и передопросила всѣхъ и арестованныхъ, и свидѣтелей, а затѣмъ

19 Ноября сдѣлала такое постановленіе: „Принимая въ соображеніе обстоятельства дѣла, навлекающія сильнѣйшее подозрѣніе на двороваго человѣка Сухово-Кобылина, Ефима Егорова, равно сбивчивость его отвѣтовъ, смущеніе его и какъ бы сказать нерѣшительность высказать нѣчто тяготящее его совѣсть, признано необходимымъ подвергнуть Егорова строжайшему заключенію въ секретной комнатѣ, дабы удалить отъ него возможность имѣть съ кѣмъ либо сообщеніе и чрезъ уединеніе предоставить его суду собственной совѣсти; почему отослать его, для содержанія, въ Серпуховскій частный домъ“. Неизвѣстно, почему именно этотъ домъ долженъ былъ особенно располагать къ созерцанію и благотворно дѣйствовать на угнетеную совѣсть, тѣмъ не менѣе Комиссія видимо знала, чтò дѣлала, и результаты „уединенія“ не замедлили обнаружиться: уже 20 Ноября поваръ Ефимъ Егоровъ принесъ повинную и рассказалъ о преступленіи такъ. Ему было уже давно извѣстно, что прислуга Симонъ-Деманшь была недовольна своею госпожей и поговаривала о томъ, какъ бы отъ нея избавиться. Пылкая и горячая Француженка, „сварливаго нрава“, притомъ на столько плохо говорившая по русски, что прислуга ее съ трудомъ понимала, часто разъяренная бросалась бить особенно женщинъ „изъ своихъ рукъ“ и была больно... Жалобы барину на его любовницу приводили къ тому только, что баринъ кричалъ, бранился и грозилъ ссылкой въ деревню и даже выдачею замужъ за мужика... Для Московскихъ горничныхъ то была очень непріятная перспектива. Если же жаловалась сама Симонъ, то Сухово-Кобылинъ также собственноручно расправлялся съ виноватыми, „пощечинами“ и побоями: разъ такъ билъ почти 50-ти лѣтнюю „дѣвку“ Пелагею Алексѣвну, что она лежала безъ памяти... Въ злосчастный день 7 Ноября поваръ Ефимъ пришелъ къ Симонъ за приказаніями. Ея не было дома. Ожидая ея возвращенія. Ефимъ разговорился съ женщинами, и по обыкновенію полились ихъ слезныя жалобы на несправедливость и злобу ихъ госпожи: жалованья не платить, одѣваетъ скудно, да еще бьетъ... а въ послѣднее время ревнуетъ барина къ кому-то, какъ говорятъ, къ Н. И. Нарышкиной, такъ стала еще злѣе... Наслушавшись этого, Ефимъ спокойно сказалъ: „я приду нынче ночью и ее убью“. Испуганныя женщины, по ихъ словамъ, стали уговаривать его это „отложить“. Въ это время Симонъ вернулась и, написавъ записку Сухово-Кобылину, отправила повара домой, приказавъ придти утромъ 8 Ноября. Уходя, Ефимъ повторилъ опять женщинамъ, что ночью придетъ и чтобы онѣ не запирали входной двери. Затѣмъ онъ зашелъ на конюшню къ Галактіону Козьмину и ему тоже сказалъ, что придетъ убивать. Послѣдній согласился помогать... Такъ просто, съ двухъ словъ было рѣшено это ужасное дѣло.

Ночью, часа въ 2, Ефимъ Егоровъ пришелъ съ чернаго крыльца въ квартиру Симонъ и нашелъ дверь отпертою. Взойдя въ комнату, гдѣ спали Пелагея и Галактіонъ, разбудилъ ихъ, а также и горничную Аграфену. Взявъ въ руки подушку и вооруживъ Галактіона утюгомъ (найденный потомъ въ кухнѣ, съ погнутой ручкой, и предъявленный утюгъ былъ признанъ Галактіономъ за тотъ самый, которымъ онъ билъ Симонъ), Ефимъ спросилъ Аграфену, нѣтъ ли въ комнатѣ собаки. Та отвѣчала, что есть одна (всѣхъ было, кажется, 4) и затѣмъ пошла въ спальню. Симонъ проснулась и спросила: „что ты тутъ ходишь“? Аграфена сказала, что пришла за собачкой, которую и вынесла изъ комнаты на рукахъ. Послѣ этого она дала Ефиму по его требованію платокъ, чтобы заткнуть ротъ Симонъ. Когда убійцы вошли въ спальню, Француженка спала на кровати, раздѣтая, возлѣ на столикѣ горѣла свѣча. Ефимъ бросился сразу къ ней и, накрывъ подушкой, началъ душить. Симонъ сопротивлялась и „раза два взвизгнула“. Тогда онъ ударилъ ее кулакомъ по лѣвому глазу и сталъ душить рукою, а потомъ поданнымъ ему Аграфеной полотенцемъ затянулъ шею. Въ тоже время Галактіонъ наносилъ ей рядъ ударовъ утюгомъ по бокамъ. Когда же утюгъ вырвался у него изъ рукъ, они оба принялись бить ее кулаками. Черезъ нѣсколько времени все было кончено. Тогда поваренокъ велѣлъ женщинамъ одѣть убитую въ полный костюмъ. Мы знаемъ уже, въ какомъ видѣ былъ найденъ въ полѣ трупъ. Не надѣли только салопа; но сдѣлано это было съ намѣреніемъ, чтобы могло показаться, что она убита и ограблена извощикомъ. Деньги въ портмоне, булавку и часы взялъ Ефимъ съ собой. Потомъ Галактіонъ пошелъ запрячь лошадь. Трупъ положили въ сани и закрыли полостью. Галактіонъ былъ кучеромъ, а Ефимъ сидѣлъ въ саняхъ. Ночь была темная; мало того, что никто не видалъ всѣхъ этихъ дѣйствій, но сами ѣхавшіе заплутались и первоначально, вмѣсто Прѣсененской заставы, попали на Смоленскій рынокъ. На заставѣ ихъ также никто не замѣтилъ. Отъ нея, по направленію къ Ходынкѣ, версты на 3, Ефимъ выбросилъ на снѣгъ убитую; но „опасаясь, чтобы не ожила на погибель ихъ“, перерѣзалъ ей горло складнымъ ножомъ, который тутъ же и бросилъ. Ефимъ увѣрялъ, что онъ тутъ же бросилъ и часы съ булавкой. Потомъ эти вещи и деньги нашли на чердакѣ дома Сухово-Кобылина, завернутыя въ какое-то „любобное“ письмо камердинера Макара.(?!). Также незамѣтно вернулись убійцы домой. Къ этому времени женщины успѣли уже сжечь въ Голландской печи салопа, и все въ комнатѣ привести въ порядокъ. Въ квартирѣ убійцы выпили 2 бутылки какого-то вина, а затѣмъ пошли въ трактиръ „Сучокъ“ на Моховой, гдѣ пили чай и водку. Въ 6 часовъ разошлись спокойно по домамъ, сговорившись

показывать, что Симонъ домой не возвращалась. Закончилъ свое показаніе Егоровъ*) такими словами (какъ это записано): „показывалъ онъ все по истинной справедливости, безъ всякой лжи и утайки, ожидая за чистосердечное сознание его снисхожденія начальства“. Содержавшіеся въ другой части (Яузской) Галактіонъ, Пелагея и Аграфена въ тотъ же день, 20 Ноября, также сознались и рассказали всѣ обстоятельства убійства, согласно съ Ефимомъ. Только Галактіонъ добавилъ маленькую подробность: когда утюгъ вырвался у него изъ рукъ, онъ и Ефимъ стали добивать Француженку просто кулаками, а женщины еще прибавили, что они отклоняли Ефима отъ убійства, а когда убивали, то онъ стали всѣ кричать, но тѣ пригрозили имъ: „не кричать, а то и вамъ тоже будетъ“...

„Собственное признаніе есть высшее всего міра свидѣтельство, говоритъ законъ“, такъ восклицаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Сухова-Кобылина „Смерть Тарелкина.“

Теперь такое признаніе имѣлось: Слѣдственная Комиссія могла торжествовать. Все было въ порядкѣ, въ каждомъ допросѣ имѣлось заявленіе отъ имени допрашиваемаго, что ему „никакихъ принужденій и пристрастія при допросахъ чпено не было“.

Теперь дѣло должно было направиться въ судебныя учрежденія и поступить въ Московскій Падворный Судъ. Впрочемъ, Слѣдственная Комиссія еще не скоро закончила свое существованіе: вмѣстѣ съ другими свидѣтелями и сознавшимися преступниками она допросила еще два раза самого А. В. Сухова-Кобылина. Существеннаго въ этихъ показаніяхъ его было то, что онъ категорически сталъ отрицать свою „любовную связь“ съ убитой и какую бы то ни было интимную близость въ Надеждѣ Ивановнѣ Нарышкиной, о чемъ шелъ слухъ по Москвѣ и болтала прислуга. Имя Надежды Ивановны Нарышкиной, какъ бы то ни было, замѣшалось въ дѣлѣ, и она, скоро овдовѣвъ, навсегда покинула Москву и Россію, чтобы за границей вторично выдти за мужъ за знаменитаго Француза А. Дюмà-сына.

Показанія, данныя Сухово-Кобылинымъ, такъ записаны въ дѣлѣ.

1) Декабря 5-го (1850 г.) въ Комиссіи, на вопросные пункты, при увѣщаніи священника, Сухово-Кобылинъ отвѣчалъ: показанныя ему письма писалъ онъ къ г. Симонъ-Деманшъ, а въ какое именно

*) Между прочимъ онъ собственноручно написалъ, что „убилъ ее онъ потому, что она была злая и весьма капризная женщина; много пострадало по ея наговорамъ людей, и въ томъ же числѣ бѣдная сестра его, Василиса Егорова, которую отдали за мужика замужъ“.

время, того припомнить не можетъ. Письмо подъ № 2, въ коемъ написано, что онъ рѣшился призвать къ себѣ изъ деревни Симонъ-Деманшъ, „чтобы имѣть при себѣ неблагодарную и клятвopеcтyпную женщину и возможность пронзить ее своимъ Кастильскимъ кинжаломъ“, дѣйствительно писанное имъ въ деревню, есть письмо шутовое, что оказывается и изъ самихъ выраженій онаго; впрочемъ подобныя шутки онъ довольно часто употреблялъ съ нею, какъ словесно, такъ и письменно, а въ слѣдствіи сія шутовская угроза нисколько не можетъ относиться къ совершенному надъ ней убійству. Отношенія его къ Деманшъ всегда были самыя лучшія, что наиболѣе должно явствовать изъ собственныхъ его писемъ къ ней, которыя выражали всегда одинаковую привязанность; что же касается до показанныхъ ему писемъ, то: 1-е, не можетъ онъ опредѣлить въ какое именно время и по какому случаю были они писаны; 2-е, что Симонъ-Деманшъ вообще отличалась живымъ и вспыльчивымъ характеромъ и вообще въ выраженіяхъ своихъ всегда преувеличивала дѣйствительность, но вскорѣ потомъ, приходя въ себя, примирялась съ нимъ и просила забыть сказанныя ею слова или писанныя письма. Къ подобнымъ письмамъ принадлежатъ и всѣ, кои ему были показаны. Проживавшіе у Деманшъ крѣпостные люди принадлежатъ его родителямъ; имѣетъ довѣренность отъ родителя своего полковника Василя Александра на управленіе его вотчинами, въ разныхъ губерніяхъ состоящими, которую обѣщаль представить, и просилъ, по минованіи надобности, ему возратить; оныхъ людей онъ въ услуженіе къ Деманшъ не отдавалъ, а жили они у нея по паспортамъ, получая за то денежную плату. Люди, жившіе у Симонъ-Деманшъ, какъ они показывали, что нѣсколько разъ жаловались ему на жестокости и побои Деманшъ, и онъ будто бы не только не оказывалъ имъ защиты, но напротивъ, подвергалъ ихъ за сіе наказанію, никогда жалобъ ему не приносили. Хотя бывшая у нея, Деманшъ, дѣвка Никифорова и приносила помимо его жалобу за причиненные ею, Деманшъ, побои начальству; но онъ, во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться подобныхъ сему случаевъ, объявилъ всѣмъ находившимся у Деманшъ его людямъ, что если кто изъ нихъ недоволенъ ею, то можетъ прямо объявить ему лично, и въ такомъ случаѣ безъ всякаго наказанія обращенъ будетъ на прежнее мѣсто жительства; это было имъ объявлено вообще всѣмъ, въ особенности дѣвкамъ, которыя ему тутъ же подтвердили, что онѣ неудовольствія на нее не имѣютъ. Дворовыя дѣвки, Василиса Егорова и Дарья Никифорова, находившіяся въ услуженіи у Деманшъ, отправлены въ деревню не по его распоряженію и до его управленія. Прасковья Тимофеева, сколько ему извѣстно, отпущена уже на волю, а Настасья Никифорова отправлена

имъ изъ города, потому что, будучи всегда нерадивою, на услугу при домѣ не годилась; наказаніямъ ни чрезъ полицію, ни чрезъ своихъ людей не подвергалъ, ибо съ тѣхъ поръ какъ управляетъ домомъ своимъ, никто ни изъ его людей, ни изъ жившихъ у Деманшъ, наказанъ не былъ; но проступки ихъ, а равно нерадивость въ отправленіи должности, старался исправлять, выговаривая имъ иногда съ бранью, а иногда съ малыми и незначительными побоями, что иногда происходило и по жалобамъ Деманшъ. Зная, однако, ея вспыльчивый характеръ, по обыкновенію въ сихъ случаяхъ обращалъ особенное вниманіе при таковомъ разбирательствѣ.

II. Титулярный совѣтникъ Александръ Васильевъ Сухово-Кобылинъ 18 Марта 1851 года, Слѣдственной Комиссіи въ свѣдѣніи объяснилъ, что поваръ Ефимъ Егоровъ поступилъ къ нему въ услуженіе съ Октября 1849 года, жалованье получалъ онъ отъ его домовой конторы, какъ и другіе служители, по третямъ года, за каждую треть по 50 руб. ассигн., а въ годъ 150 руб. ассигн., на всемъ господскомъ содержаніи; сверхъ того онъ постоянно имѣлъ дозволеніе отлучаться изъ дому его на работу, чѣмъ еще болѣе могъ увеличивать свои денежные средства, а когда случалось ему готовить кушанье у Симонъ-Деманшъ, то получалъ отъ нея денежное вознагражденіе, что составляло въ годъ приблизительно до 50 руб. асс., и оставался ею доволенъ, какъ самъ говорилъ смотрителю дома графа Гудовича, гдѣ квартировала Симонъ-Деманшъ, Дорошенкѣ, который сіе подтвердить можетъ. Однако, не смотря на то, что содержаніе и денежные средства Ефима были вполне удовлетворены, въ послѣднее время дознано имъ, что онъ не только не имѣлъ излишнихъ денегъ, но постоянно въ нихъ нуждался, именно: люди его, конторщикъ Миловъ, камердинеръ Лукьяновъ и повѣренный полковника Шепелева, Московскій мѣщанинъ Θεофанъ Михайловъ Королевъ показываютъ, что онъ неоднократно занималъ у нихъ оныя. Къ тому же въ Октябрѣ 1850 года, при отъѣздѣ его, Кобылина, въ Тульскую вотчину, гдѣ проживаютъ его родители, просилъ онъ сестру свою, Варвару Егорову дать ему взаймы 2 руб. сер., для посылки будто бы родителямъ гостинцу, и хотя деньги эти отъ Варвары и получилъ, но гостинца не послалъ. По возвращеніи его изъ вотчины, въ исходѣ Октября, просилъ у камердинера его, Лукьянова, взаймы денегъ, въ которыхъ Лукьяновъ ему, по неимѣнію, отказалъ. Замѣчательно, что, нѣсколько дней до совершения преступленія, нѣкоторыми изъ своихъ поступковъ поваръ Ефимъ обнаруживалъ, какъ послѣ имъ дознано, какую-то увѣренность, что у него скоро будутъ деньги, а по совершеніи замысла своего оныя дѣйствительно у него оказались; именно

до событія говорилъ онъ камердинеру Макару Лукьянову, что, имѣя нужду въ деньгахъ, онъ намѣренъ занять у одного знакомаго до 15 руб. сер., не сказывая впрочемъ у кого именно, а послѣ событія говорилъ ему, что занялъ у того человѣка 12 руб. сер. Также за нѣсколько дней до сего, пришедши въ табачную лавку Московскаго мѣщанина Сергѣя Ѳедорова, содержащую имъ на Тверской въ домѣ Захарова, говорилъ ему, Ѳедорову, что у него есть въ виду золотые часы, которые нѣкто желаетъ продать, спрашивая, не купить ли онъ Ѳедоровъ, которые Ѳедоровъ и купилъ бы, если бы Ефимъ ихъ съ собою имѣлъ. Далѣе онъ же, Ѳедоровъ, говорилъ камердинеру Лукьянову, что дня два спустя по совершеиіи преступленія, пришедши къ нему въ лавку, просилъ размѣнять ему 50 рублевую ассигнацію, съ вычетомъ должныхъ ему, Ѳедорову, денегъ, отъ чего Ѳедоровъ, по неимѣнію въ наличности такой суммы, отказался; Ефимъ же, отправившись въ близъ находящійся трактиръ, размѣнялъ тамъ оную и, возвратившись къ Ѳедорову въ лавку, заплатилъ свой долгъ, а на вопросъ Ѳедорова, откуда имѣеть эти деньги, отвѣчалъ: „стало, гдѣ нибудь досталъ“. Наконецъ два дня по совершеиіи преступленія, приходилъ онъ, Егоровъ, къ знакомому своему повару Григорію Игнатьеву, крѣпостному человѣку генераль-маіора Поливанова, квартирующаго Срѣтенской части, во 2 кварталѣ, въ домѣ Василисиной, и предлагалъ ему, не купить ли онъ, Игнатьевъ, золотыхъ часовъ, которые Игнатьевъ въ рукахъ его видѣлъ, но купить отказался.

Обстоятельства сіи, сдѣлавшіяся ему *) извѣстными въ послѣднее время, наводятъ его на мысль, не совершено ли преступленіе сіе съ цѣлію воспользоваться имуществомъ, а главное, денежнымъ капиталомъ Деманшъ, который преступники у нея предполагать могли, а потому самому необходимымъ поставить на видъ Комиссіи слѣдующіе факты: I) Въ теченіи 6 лѣтъ, Луиза Деманшъ занималась винною торговлею на ввѣренный ей капиталъ, которую однако въ 1849 году, за неуспѣхомъ, по обоюдному ихъ согласію, и прекратила. Расчеты ихъ были извѣстны весьма немногимъ, посторонніе же люди легко предполагать могли, что если онъ и потерпѣлъ убытки, то Луиза Симонъ, какъ полновластно распоряжавшаяся симъ дѣломъ, что нибудь да пріобрѣла; кромѣ того, близкія и дружественныя отношенія ея къ нему въ теченіи осьми слишкомъ лѣтъ, которымъ людская молва дала неприличное для женщины толкованіе, скромность ея жизни, всѣмъ извѣстная бережливость и аккуратность въ денежныхъ тратахъ, все сіе предполагало мнѣніе людей его къ тому, чтобы предполагать у нея значи-

*) Т. е. Сухово-Кобылину.

тельный денежный капиталъ. Далѣе, имѣя въ его управленіи до 6000 душъ имѣній отца его и родного дяди полковника Шепелева, ему нерѣдко случалось въ теченіе послѣдняго времени, особенно прошедшимъ лѣтомъ, именно въ Іюль, Августъ и Сентябрь мѣсяцахъ, имѣть у себя суммы отъ 10,000 до 20,000 р. сер., которыя, по причинѣ частыхъ отлучекъ его изъ дому, имѣлъ обыкновеніе ввѣрять Луизѣ Симонъ-Деманшъ; ведя жизнь уединенную, почти всегда бывая дома, она съ особенною готовностію и тщаніемъ исполняла таковыя его просьбы а самыя суммы эти хранила въ своемъ шифоньерѣ. Наконецъ, во время отлучекъ его изъ города, должностные его люди имѣли приказаніе всѣ получаемыя деньги доставлять Луизѣ Симонъ, которыя она равнымъ образомъ хранила въ томъ же шифоньерѣ. Естественно, что прислуга ея видѣла неоднократно получаемыя ею деньги и до точности знала, гдѣ онѣ хранятся, а въ тоже время могла не знать, взяты ли онныя обратно или нѣтъ. Обстоятельства сіи могутъ подтвердить всѣ его люди безъ исключенія: управляющій домомъ его Николай Андреяновъ Фирсовъ, камердинеръ Лукьяновъ, конторщикъ Ѳедоръ Миловъ, а равно посторонніе: повѣренный дяди его, полковника Шепелева, Московскій мѣщанинъ Ѳеофанъ Михайловъ Королевъ и Московская мѣщанка Екатерина Ильина Смирнова, проживающіе въ его домѣ. Между тѣмъ зять его, отставной полковникъ Петрово-Соловово, присутствовавшій при первомъ, производимомъ полиціею, осмотрѣ квартиры Деманшъ, объяснилъ ему, что когда шифоньеръ, тотъ самый, въ которомъ она хранила деньги, былъ отпертъ, то его особливо поразилъ замѣченный имъ въ вещахъ и бѣльѣ беспорядокъ, по тому именно обстоятельству, что онъ неоднократно слышалъ отъ него объ необыкновенной точности и аккуратности Деманшъ, и ясно припоминаетъ себѣ, что собственное его заемное письмо, выданное имъ Луизѣ Симонъ въ истекшемъ году, суммою въ 1000 руб. сер., видѣлъ онъ на полкѣ въ углу развернутымъ и какъ бы брошеннымъ, а бѣлье все перебитымъ. Ему же самому достовѣрно извѣстно, что порядокъ именно въ шифоньеркѣ Деманшъ превосходилъ всякое воображеніе, такъ что она никому, даже и ему, не повѣряла ключей отъ онаго, увѣряя, что могутъ разстроить порядокъ, въ которомъ уложены были вещи и бѣлье. Обстоятельство это даетъ поводъ предполагать, что убійцы что нибудь въ шифоньерѣ искали, и вещи и бѣлье привести въ порядокъ не могли по той причинѣ, что надобно было, для отвода отъ себя всякаго подозрѣнія, ключи вмѣстѣ съ покойной вывезти немедленно за городъ. 2) Въ самомъ совершеніи преступленія, остается ему неизвѣстнымъ, похитили ли что либо убійцы и чтò они похитили; ему извѣстно только то, что по описи, произведенной Тверскою частью въ присутствіи довѣреннаго отъ него человѣка, не

оказалось наличныхъ денегъ ни одного рубля, тогда какъ ему достоверно извѣстно, что, кромѣ ломбардныхъ билетовъ, она всегда имѣла у себя достаточно наличныхъ денегъ, такъ что самому ему нерѣдко случалось занимать у нея оныя на короткое время ¹⁾: а) предполагаетъ, что наличныхъ денегъ было приблизительно до 1000 руб. сер.; б) изъ трехъ ломбардныхъ билетовъ не оказалось одного, суммою отъ 300 до 400 руб., хорошо не можетъ припомнить..... 350 руб. ²⁾. Изъ вещей не оказалось: в) золотыхъ часовъ Женевской работы весьма хорошихъ, г) къ нимъ золотой цѣпи, д) двухъ булавокъ, одной весьма цѣнной съ опаломъ; е) броши съ камнемъ, въ золотой массивной оправѣ, изображающей канатъ, который огибалъ камень, полагаетъ по самой умѣренной цѣнѣ 200 руб. сер.; ж) изъ бѣлья, кружевъ и платьевъ, которыхъ у Симонъ было большое количество, замѣченъ значительный недостатокъ, котораго однако точно опредѣлить не можетъ, ибо наличность сихъ предметовъ не была ему до вѣрности извѣстна. Всего оказалось движимости, не считая пропавшихъ кружевъ и бѣлья, на сумму приблизительно до 650 руб. сер., а всего на все предполагаетъ приблизительно по самой умѣренной цѣнѣ на 1000 руб. сер. ³⁾. з) Съ другой стороны, обращая вниманіе на поведеніе самого повара Ефима Егорова, особенно въ послѣднее время, онъ не можетъ одобрительно о немъ отзываться. Частыя отлучки его изъ дому, которыя принималъ онъ какъ занятія своимъ ремесломъ, имѣли источникомъ праздность и привычку бродить по трактирамъ и другимъ мѣстамъ; бывъ въ ученіи въ домѣ г. Рахманова, онъ отпра-

¹⁾ Находить необходимымъ замѣтить, что три золотыхъ полумперіала, выданные камердинеру Лукьянову для отсылки Деманшъ, въ ночь съ 7 на 8-е Ноября, были деньги почти ежедневно выдаваемые имъ ей собственно для его столоваго расхода, и которыхъ она естественно съ собственными своими деньгами не смѣшивала, да и смѣшивать не имѣла никакого основанія.

²⁾ Другіе же два билета, одинъ въ 550 руб., другой въ 230 руб. сер., найдены полиціею при описи, произведенной имуществу Деманшъ 27 Ноября не въ шифоньерѣ, а въ библиотечномъ шкафѣ, между книгъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми бумагами, а потому предполагать надобно, что убійцы ихъ не открыли. Обстоятельство это объясняетъ онъ себѣ именно тѣмъ опасеніемъ Луизы Симонъ быть обокраденной, о которомъ онъ уже упоминалъ и которое она неоднократно и настоятельно ему объясняла.

³⁾ Присутствіе на покойной Деманшъ серегъ брилліантовыхъ и двухъ колець, замѣченное полиціею при подъемѣ тѣла, потому самому ничего не доказываетъ относительно намѣренія убійць, что такъ какъ преступленіе совершено ими въ смыслѣ грабежа, произведеннаго будто бы извозчикомъ, и самыя вещи, бывшія при ней, часы, цѣпь, булавки и брошь съ этою цѣпью убійцами на ней и не оставлены, то по той же причинѣ не слѣдовало при ней оставаться ни серьгамъ, ни кольцамъ, а если они оставались, то вѣроятно потому только, что ускользнули отъ вниманія преступниковъ, или, что еще вѣроятнѣе, просто въ торопихъ были ими забыты.

вленъ былъ за два года предъ симъ родителями его въ Петербургъ, гдѣ находился на кухнѣ въ домѣ графа Воронцова-Дашкова; естественно, что привычки, пріобрѣтенныя имъ въ домахъ сихъ, а еще болѣе знакомство съ какою-то женщиною въ башмачномъ заведеніи Цармана, о которомъ узналъ онъ недавно, далеко превышали денежныя средства, получаемыя имъ изъ его домовой конторы; а наконецъ, въ послѣднее время дознано также имъ, что онъ занимался и карточною игрою, что подтвердить можетъ повѣренный дяди его, Королевъ. Не смотря на то, что дѣловыя занятія его не дозволяютъ ему слѣдить внимательно за поведеніемъ его людей, ему однако въ послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ ведетъ себя не скромно, а въ характерѣ его произошла перемена, за которую онъ не разъ бранилъ его, а въ послѣднее время грозилъ отправить его въ деревню; люди же его показывали, что на угрозу эту въ кругу ихъ онъ говорилъ, что скорѣе пойдетъ въ солдаты, а въ деревню не поѣдетъ. 4) Относительно людей, бывшихъ у Деманшъ въ услуженіи, полагаетъ необходимымъ объяснить Комиссіи, что всѣ они, числомъ четверо (кучеръ Игнатъ Макаровъ, чернорабочій мальчикъ Галактіонъ и двѣ женщины) жили у нея по собственному ихъ желанію, никогда къ нему съ жалобами на нее, ни съ просьбою отойти отъ нея не обращались, ни одинъ изъ нихъ ни по жалобамъ, ни по капризамъ Деманшъ, ни по домашнимъ, ни въ полиціи наказанъ не былъ, денежное содержаніе получали вполнѣ удовлетворительное, харчевое даже съ избыткомъ; ибо кромѣ хорошаго стола имѣли сахаръ и чай. Кучеръ Игнатъ Макаровъ, человѣкъ характера весьма скромнаго и поведенія одобрительнаго, жилъ у Деманшъ съ 1846 года, получалъ жалованья по 17 руб. 50 коп. асс. въ мѣсяць, постоянно оставался ею доволенъ, и, какъ кажется, былъ ей преданъ. Во время самаго преступленія онъ лежалъ больной въ его домѣ, потому что при квартирѣ Симонъ для него, какъ больного, не было удобнаго помѣщенія, а потому и тѣни подозрѣнія на себя навлечь не могъ. Можно даже утвердительно сказать, что одно присутствіе его въ домѣ Симонъ-Деманшъ было бы совершеннымъ препятствіемъ къ совершенію преступленія. Мальчикъ Галактіонъ, 18 лѣтъ, чернорабочій по винной части, получалъ по 15 руб. ассигн. въ мѣсяць жалованья на хозяйскихъ харчахъ; непріятностей у него съ хозяйкой не было, и до него, со стороны его, никакихъ жалобъ не доходило; весьма важное и многозначительное обстоятельство заключается въ томъ, что занятія его по винамъ Симонъ-Деманшъ въ самый день совершенія преступленія были совершенно окончены, вино окончательно разлито въ бутылки и уложено въ ящики для отправки частію къ нему въ домъ, частію къ дядѣ его г. Шепелеву; самый под-

валь, гдѣ производилась работа, отданъ домовладѣльцу, а самъ Галактіонъ, чрезъ нѣсколько дней, если не на другой день, долженъ былъ получить расчетъ. Мало этого: онъ отправлялся, съ вѣдома его, въ свою сторону для женитьбы и столько былъ занятъ своимъ отъѣздомъ, что, за нѣсколько дней предъ самымъ совершеніемъ преступленія, приглашалъ земляка своего, крестьянина ихъ Григорья Андреева, проживающаго въ Москвѣ въ его домѣ, къ себѣ на свадьбу, который подтвердить сіе можетъ. Двѣ женщины, Аграфена и Пелагея, опредѣлены были къ Деманшъ не изъ его дома, а за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ были привезены изъ Тульской вотчины, гдѣ до сего работали на ткацкой фабрикѣ. Въ то время, по поводу поданной дѣвкой Настасьей жалобы на Деманшъ, онъ почелъ необходимымъ лично объявить имъ, что если у Симонъ-Деманшъ жить не пожелаютъ, то могутъ объявить ему о томъ во всякое время, и въ такомъ случаѣ обращены будутъ въ Тульскую вотчину, изъ которой прибыли. Напротивъ того, онъ не только не обращался къ нему съ просьбою отпустить ихъ обратно въ деревню, но самому ему неоднократно случалось слышать, что Деманшъ, по поводу ихъ несправности къ услугѣ, говорила имъ, что отпустить ихъ отъ себя, и что одна изъ сихъ женщинъ, именно Аграфена, въ прошломъ Октябрѣ мѣсяцѣ предъ поѣздкою Симонъ въ Тульскую губернію, слѣдовательно не болѣе одного мѣсяца до совершенія преступленія, убѣдительно просила Луизу Симонъ, чрезъ дворовую дѣвку Марью Зиновьеву, оставить ее у себя въ должности, потому самому, что сія послѣдняя Аграфены болѣе у себя держать не желаетъ. Дворовая дѣвка Зиновьева, проживающая въ его домѣ, сіе подтвердить можетъ*). Повторяетъ: содержаніе людей сихъ вполнѣ было удовлетворительно, никакихъ жалобъ до него отъ нихъ не доходило, и ни одинъ изъ нихъ за Симонъ-Деманшъ ни наказанъ, ни оштрафованъ не былъ, исключая только Галактіона, который еще въ 1849 г., одинъ только разъ былъ представленъ въ Срѣтенскую часть за то, что, разливая Ренское вино, неоднократно напивался пьянъ, въ каковомъ

*) Что же касается до жалобы дѣвки Настасьи Никифоровой, принесенной высшему начальству, на неприличное съ нею обращеніе покойной Деманшъ, то это былъ единственный случай, гдѣ ея тщательная аккуратность и вспыльчивость вышли изъ предѣловъ приличія сколько потому, что подобный же проступокъ Никифоровой былъ уже за годъ предъ симъ причиною пожара, столько и потому, что классъ людей сихъ, часто при всей своей виновности, имѣетъ привычку приносить неуважительныя и часто дерзкія оправданія, которыхъ вспыльчивый характеръ аккуратной иностранки перенести не могъ. Это былъ, говоритъ онъ, единственный случай, послѣ котораго Луиза Симонъ, убѣжденная его внушеніями, а еще болѣе распоряженіями начальства, естественно удерживала себя отъ подобныхъ поступковъ, что безъ сомнѣнія не опущено Комиссією изъ вида и не оставлено безъ должнаго дознанія.

видѣ и представленъ былъ управляющему домоу его и конторою, Николаю Фирсову. Напротивъ того, отношенія Деманшъ къ людямъ симъ были, въ глазахъ его, до такой степени удовлетворительны, что самъ онъ, подвергнутый жестокому подозрѣнію въ убійствѣ, готовый, какъ выразился онъ предъ Комиссіею, отдать и имущество и жизнь, чтобы разсѣять окружавшій его мракъ неизвѣстности, въ самую минуту тяжкаго для чести его ареста, рѣшительно не находилъ причинъ подозрѣвать людей сихъ въ совершеніи преступленія, а потому самому призналъ себя обязаннымъ предъ собственною совѣстію объявить Комиссіи, что изъ вѣдомыхъ ему людей ни на кого подозрѣнія не имѣеть. Находитъ необходимымъ объявить Комиссіи, что Деманшъ, окончивъ свои дѣла по винной торговлѣ, въ послѣднее именно время изъявляла, ему и другимъ знакомымъ своимъ намѣреніе отбыть за границу на родину; сборы эти могли быть извѣстны ея прислугѣ, которая естественно должна была предполагать, что Луиза Симонъ не иначе предпринимаетъ это путешествіе, какъ съ значительнымъ запасомъ денегъ. Наконецъ, въ заключеніе сего его свѣдѣнія, присовокупляетъ: участіе повара Ефима, человѣка весьма умнаго и для своего званія довольно образованнаго, обращаетъ на него главное вниманіе; почему онъ, чуждый дому Симонъ-Деманшъ, довольный ею, какъ самъ же говорилъ Дорошенкѣ, является главною пружиною злодѣянія? Далѣе: какія причины подвигли Галактіона принять дѣятельное участіе въ страшномъ убійствѣ, въ ту самую минуту, когда онъ твердо былъ увѣренъ, какъ объяснилъ онъ выше, что навсегда оставляетъ домъ Луизы Симонъ, и оставляетъ его за тѣмъ, чтобы, прибывъ на родину, жениться и обзавестись своею собственностью? Наконецъ, почему самыя женщины эти, не смотря на его приказаніе, не обращались ни къ нему, ни къ начальству съ просьбою, если жизнь у Деманшъ была для нихъ отяготительна, а напротивъ того, убѣдивъ хозяйку оставить ихъ при себѣ, являются чрезъ нѣсколько недѣль сообщницами убійства, именно въ ту минуту, когда сама Деманшъ, покончивъ свои дѣла, какъ объяснилъ онъ выше, собиралась отбыть за границу въ свою сторону? Отклоняя отъ себя рѣшительно тяжкую обязанность обвинителя и не позволяя себѣ дѣлать какія либо изъ сего истекающія заключенія, онъ представляетъ все слышанное и знаемое имъ на разрѣшеніе Комиссіи, будучи твердо увѣренъ, что если все сіе будетъ имѣть какую либо важность въ глазахъ гг. слѣдователей, то они и не оставятъ объясненныхъ имъ обстоятельствъ безъ дальнѣйшаго дознанія.

По поводу этого показанія Комиссія сдѣлала слѣдующее постановленіе.

Марта 29 дня Комиссія постановила: разсмотрѣвъ свѣдѣніе титулярнаго совѣтника Александра Васильева Сухово-Кобылина, въ коемъ поставляетъ на видъ Комиссіи разныя обстоятельства, предыдущія и послѣдующія, относительно убійства Деманшъ, а равно сообщаетъ нѣкоторыя предположенія свои, основывая ихъ на вѣроятіи, постановила о тѣхъ предметахъ, изложенныхъ г-мъ Сухово-Кобылинымъ, которые могутъ служить поясненіемъ какихъ-либо обстоятельствъ, сопровождавшихъ убійство Деманшъ, сдѣлать должное изысканіе, спросивъ людей, выставленныхъ имъ въ свѣдѣніи въ качествѣ свидѣтелей, кромѣ родственника его Петрово-Соловова, потому что г. Соловова, находясь при первоначальномъ обыскѣ въ квартирѣ Деманшъ, самъ подписалъ постановленіе, не объяснивъ замѣченнаго имъ въ шифоньерѣ безпорядка, равно и послѣ въ отобранныхъ Комиссіею отъ него отвѣтахъ о томъ ничего не упоминалъ, да и членъ Комиссіи, частный приставъ Хотинскій, находившійся при обыскѣ вмѣстѣ съ г. Петрово-Соловова и другими лицами, подписавшими постановленіе, объясняетъ, что не только поразительнаго, но и никакого особеннаго безпорядка въ томъ шифоньерѣ имъ замѣчено не было; въ противномъ же случаѣ, обращено было бы на то вниманіе. За тѣмъ всѣ предположенія и разсужденія Сухово-Кобылина, на основаніи Св. Зак. т. XV, ст. 916 и 1068, оставить безъ изслѣдованія.

Въ тоже время Комиссія нашла нужнымъ дать Сухово-Кобылину очныя ставки. Онъ однако постарался уклониться отъ этого, ссылаясь какъ на свое нездоровье, такъ и на свои права, какъ помѣщика. Слѣдственная Комиссія тогда сдѣлала такое постановленіе.

Сухово-Кобылинъ въ объясненіи Комиссіи изъяснилъ, что оная, вытребовавъ его къ засѣданію 29 Марта, признала нужнымъ дать ему очныя ставки съ открытыми по дѣлу сему преступниками, отъ какихъ отказался вслѣдствіе случившагося съ нимъ болѣзненнаго припадка. Нынѣ же, принявъ во вниманіе 1138 ст. XV т., въ коей сказано, что очныя ставки господамъ съ ихъ слугами даются въ томъ только случаѣ, если они оказываются участниками въ одномъ и томъ же преступленіи, онъ находитъ, что ставки, которыя Комиссія намѣрена дать ему съ людьми его, будутъ или прямо противны смыслу закона, или для лица его оскорбительны; ибо Комиссія никакого не имѣетъ права дать ему очныя ставки, какъ разумѣя его участникомъ въ преступленіи людей его, къ тому же чувствуя здоровье свое, всѣми извѣстными Комиссіи событіями разстроеннымъ и потрясеннымъ до самаго его основанія, и принимая при семъ свидѣтельство и по нынѣ

пользующаго его врача, надворнаго совѣтника Самсона*), онъ просить Комиссію, принявъ во вниманіе все изложенное имъ, отъ очныхъ ставокъ съ людьми его уволить. При чемъ присовокупилъ, что все изложенное имъ въ поданномъ въ Комиссію свѣдѣніи отъ 13 Марта подтверждаетъ во всей силѣ, тѣмъ болѣе, что справедливость сообщенныхъ имъ Комиссіи предположеній относительно поводовъ сего преступленія вполнѣ подтвердилась найденными 28 Марта въ его домѣ, по указанію одного изъ преступниковъ, вещами.

Въ Московскомъ Надворномъ Судѣ, гдѣ разбиралось дѣло объ убійствѣ Симонъ-Деманшъ, Сухово-Кобылинъ далъ еще одно показаніе, записанное въ дѣлѣ такъ.

„Сентября 13 дня 1851 года, отставной титулярный совѣтникъ Александръ Васильевъ Сухово-Кобылинъ объяснилъ, что показанія людей его относительно измѣненія въ характерѣ Московской купчихи Луизы Ивановны Симонъ-Деманшъ, происшедшаго якобы отъ его отъ нея удаленія, есть совершенная ложь, и лишь съ ихъ стороны намѣреніе затмить истинный поводъ совершеннаго ими злодѣянія по слѣдующимъ обстоятельствамъ: 1) Съ Нарышкиною онъ никогда, никакой связи не имѣлъ, и сіи показанія повара его суть клевета ничѣмъ недоказанная, да и не могущая имѣть никакихъ доказательствъ. При семъ нелишнимъ считаетъ присовокупить, что самый оговоръ сей по точному смыслу 4 пунк. ст. 1061. а равно ст. 934 XV т. не заслуживаетъ никакого вѣроятія, а наконецъ если бы обвиненіе его и было подкрѣплено какими-либо доказательствами, то и въ такомъ случаѣ, по силѣ ст. 933 того же тома, производство по оному должно быть отложено до окончанія производимаго надъ нимъ дѣла. 2) Онъ никогда отъ Симонъ-Деманшъ не удалялся, и отношенія его съ нею всегда оставались тѣже самыя, какъ и прежде, т. е. дружбы, уваженія къ ея отличнымъ качествамъ, привязанности и совершеннаго довѣрія въ томъ, что касалось до денежныхъ дѣлъ ихъ. Любовной связи съ нею онъ никогда не имѣлъ. Луиза Симонъ, какъ показано имъ и при слѣдствіи, была съ нимъ съ давнихъ поръ въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ, не только съ нимъ, но со всѣмъ его семействомъ, которое всегда принимало ее у себя, какъ лицо близкое и

*) Изъ свидѣтельства, даннаго 30 Марта докторомъ Самсономъ, видно, что онъ, докторъ, находить, смотря по продолжающейся еще болѣзненной раздражительности Сухово-Кобылина нервовъ, разговоръ съ людьми, которыхъ видъ и присутствіе должны быть для него до крайности тягостны, долженъ имѣть очень вредныя и на здоровье его опасныя вліянія.

преданное дому ихъ, довѣряло ей деньги, всякаго рода комиссиі, покупки и постоянно было съ нею въ наилучшихъ сношеніяхъ. Равно и его отношенія къ умершей, при всей ихъ короткости, никогда не переходили за предѣлы нравственнаго приличія. Довольно естественно, что близость эта дала поводъ людской молвѣ перетолковать отношенія ихъ въ обидную для женщины сторону, какъ имъ уже объяснено было въ Слѣдственной Комиссиі, а потому самому нисколько не удивляется, что люди его, какъ и всѣ люди этого класса, раздѣляли мнѣніе это и предполагали, что между нимъ и Луизою Симонъ существовала любовная связь. 3) Люди родителя его, бывшіе въ услуженіи у Деманшь, двѣ женщины и мальчикъ, жили у нея по паспортамъ, получали жалованье, никогда ни отъ него, ни отъ родителей, за нее наказываемы ни въ домѣ ихъ, ни въ полиціи не были, а также на нее ни начальству, ни ему, ни родителямъ его жалобъ не приносили, а потому самому не имѣютъ права нынѣ обносить его и другихъ лицъ позорвою клеветою, вѣроятно въ томъ намѣреніи, чтобы скрыть истинный поводъ, побудившій ихъ совершить преступленіе. Въ заключеніе сего выставляетъ на видъ суда то обстоятельство, что поварь Ефимъ Егоровъ никогда въ услуженіи у Деманшь не былъ, на квартирѣ у нея никогда не жилъ, а когда случалось ему оказывать ей маловажныя услуги, то всегда получалъ должное вознагражденіе и оставался ею доволенъ, что показываетъ управляющій дома графа Гудовича Дорошенко, да и въ домѣ его служилъ не болѣе года и въ теченіи сего времени, даже и отъ него, ни одного раза ни наказанъ, ни штрафованъ не былъ, а потому ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ даже и предлога жаловаться на измѣненіе характера Деманшь, и если сіе дѣлаетъ, то вѣроятно побуждался клеветать на умершую только желаніемъ извинить тягость соверщеннаго имъ преступленія“.

Въ тотъ же день послѣдовало и рѣшеніе суда.

„1-й Департаментъ Московскаго Надворнаго Суда 13 Сентября 1851 года заключилъ: 1) Подсудимыхъ Егорова, Козьмина и Иванову, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать публично, чрезъ палачей, плетью: Егорова, какъ зачинщика, 90 ударами, а Козьмина и Иванову по 80 ударовъ каждаго и, по наложеніи мужчинамъ клеймъ, сослать въ каторжную работу: Егорова на 20, а Козьмина на 15 лѣтъ въ рудникахъ, а Иванову на заводахъ на 22 года и 6 мѣсяцевъ. 2) Дѣвку Алексѣеву, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, наказать 60 ударами плетей и сослать въ каторгу на заводахъ на 15 лѣтъ. 3) Сухово-Кобылина, ни въ чемъ по дѣлу сему невиновнаго, къ суду не привлекать. 4) Дворовую дѣвку Татьяну Максимова за любодѣяніе

съ Егоровымъ, подвергнуть церковному покаянію, по распоряженію духовнаго начальства, и 5) оставшіяся послѣ Деманшъ вещи, а также похищенныя и найденныя деньги и вещи препроводить во 2-й департаментъ Магистрата на зависящее распоряженіе. Находящіеся при дѣлѣ виды отослать за просрочкою для уничтоженія. Переписку Сухово-Кобылина возвратить по принадлежности“.

Однако въ судѣ голоса раздѣлились. Поданы были особыя мнѣнія, главнымъ образомъ относительно мѣры наказанія для обвиненныхъ, а также и относительно самого Сухово-Кобылина, ибо нѣкоторые предлагали оставить его въ подозрѣніи и, кромѣ того, предать церковному покаянію за любодѣяніе съ Симонъ-Деманшъ. Вслѣдствіе разногласія дѣло перешло въ Московскую Уголовную Палату, которая измѣнила приговоръ Надворнаго Суда. Приговоръ Палаты, по большинству голосовъ, былъ таковъ: 1) двороваго человѣка Ефима Егорова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать плетью, чрезъ палача, 90 ударами, и, по наложеніи установленныхъ клеймъ, сослать въ каторжную работу, въ рудникахъ, на 20 лѣтъ; 2) крестьянина Галактіона Козьмина, лишивъ всѣхъ правъ, наказать плетью 80 ударами, и, по наложеніи клеймъ, сослать въ каторжную работу, въ рудники, на 15 лѣтъ; 3) Аграфену Иванову, лишивъ всѣхъ правъ, наказать плетью 75 ударами и сослать въ каторгу, на заводы, на 20 лѣтъ и 3 мѣсяца; 4) дѣвку Пелагею Алексѣеву, лишивъ всѣхъ правъ, наказать 55 ударами и сослать въ каторгу на заводахъ на 15½ лѣтъ; 5) титулярнаго совѣтника Кобылина, по обвиненію въ жестокомъ обращеніи съ людьми, отъ суда освободить, а за любодѣяніе подвергнуть церковному покаянію; за неявку же на очныя ставки отвѣтственности не подвергать; 6) дѣвку Максимову, поручика Сушкова, иностранку Ландертъ за любодѣяніе подвергнуть также церковному покаянію, и 7) вещи Деманшъ отослать во 2-й департаментъ Магистрата, на его распоряженіе.

Приговоръ этотъ былъ пропущенъ губернскимъ прокуроромъ и утвержденъ Московскимъ генераль-губернаторомъ. Казалось, дѣло должно было этимъ окончиться, но тутъ случился неожиданный поворотъ въ ходѣ процесса.

Надо замѣтить, что хотя графъ Закревскій и согласился съ рѣшеніемъ Уголовной Палаты, но въ виду того, что приговоръ тамъ былъ не единогласный, представилъ все дѣло, при своемъ рапортѣ, въ Сенатъ, куда 13 Октября поступило прошеніе осужденнаго повара Ефима Егорова о допущеніи его къ обзорѣнію выписки изъ дѣла и приговора и „рукоприкладству“ (т. е. кассациі). Тоже сдѣлали и остальные. 6 Ноября было подано это „рукоприкладство“, такъ ска-

затѣ, послѣднее слово подсудимыхъ. Очевидно, оно было составлено какимъ-нибудь полицейскимъ или судейскимъ крючкомъ, опытнымъ въ тогдашнихъ законахъ, судопроизводствѣ и всякомъ крюкотворствѣ. „Рукоприкладство“ заключало въ себѣ много замѣчаній на всякія нарушенія въ производствѣ слѣдствія и процессуальныхъ упущеній. Въ довершеніе всего, осужденные всѣ отрекались отъ своихъ показаній и заявили, что они дали ложныя показанія, себя оклеветали и въ убійствѣ Луизы Ивановны они не виновны. Рукоприкладства Галактіона Козьмина и Ефима Егорова даже оканчивались у каждаго одинаково, такими словами: „не имѣя ничего прибавить къ своему оправданію, онъ умоляетъ высокоименитыхъ судей его обратить свое милостивое вниманіе на всѣ, изложенныя въ семъ рукоприкладствѣ, доводы, и облегчить, сколько можно, его страданія; не быть строгими въ присужденіи наказанія за преступленіе, тайна коего извѣстна одному Всевышнему Творцу, отъ Котораго не скрыто, что онъ жертва случая“.

Младшій изъ подсудимыхъ Галактіонъ Козьминъ утверждалъ, что онъ былъ „обольщенъ“ приставомъ Хотинскимъ, который будто бы показывалъ ему „собственноручное письмо господина его, Сухово-Кобылина“, которое онъ читалъ изъ рукъ г. частнаго“, и гдѣ Сухово-Кобылинъ убѣждалъ его взять на себя „участіе“ въ убійствѣ, за что обѣщалъ ему со всѣмъ семействомъ, отцомъ, матерью, братьями и сестрами отпускную и еще 1050 руб. асс. и „при томъ сказалъ (кто?) что скоро будетъ манифестъ“. Кромѣ того въ Яузской части къ нему рядомъ былъ посаженъ ихъ домовый управляющій, который черезъ щель въ стѣнѣ будто бы показывалъ ему такое же письмо и въ началѣ „обольщалъ, а потомъ угрожалъ“, что если-де ты не сознаешься и не примешь на себя, то „пропалъ-ты и твое семейство, ты и твое семейство пойдете на поселеніе, а ежели сознаешься и возьмешь на себя, то получишь награжденіе и свободу родныхъ“. Козьминъ кромѣ того показалъ, что ихъ всѣхъ возили въ одномъ фургонѣ, гдѣ они могли сговориться. Аграфена Ивановна, горничная, теперь стала утверждать, что ее подговорилъ поваръ Ефимъ Егоровъ, а этотъ послѣдній далъ показаніе, что оговорилъ себя во всемъ, не стерпя „безчеловѣчныхъ побоевъ“. Онъ такъ рассказывалъ о своемъ пребываніи въ Серпуховской части, въ секретной камерѣ, куда, какъ мы видѣли, посланъ былъ для какого-то особеннаго сосредоточеннаго уединенія и размышленія со своей совѣстью. Серпуховской частный приставъ Стерлиговъ, оказывается, „допрашивалъ его самымъ варварскимъ и безчеловѣчнымъ образомъ; истязанія, которыя при личности его совершались надъ нимъ, были слѣдующія: 1) крутили ему самой тоненькой бичев-

кой руки столь крѣпко назадъ, что локти заходили одинъ на другой, такимъ образомъ онъ оставался связаннымъ отъ 2 часовъ пополудни и до 1 часу пополуночи; 2) связаннаго, такимъ образомъ, вѣшали на крюкъ, вбитый въ стѣну, такъ что онъ оставался на вѣсу по нѣсколькѣ часовъ, не давали ему пить цѣлые сутки, кормя его одной селедкой, и въ добавокъ, когда онъ находился связаннымъ, въ висячемъ положеніи, г. Стерлиговъ собственноручно наносилъ ему чубукомъ сильныя удары по ногамъ, по рукамъ и головѣ. Сознавая свою невинность, онъ, сколько въ силахъ былъ, переносилъ съ терпѣніемъ, но когда совершенно ослабѣлъ, то рѣшился принять на себя то ужасное преступленіе, дабы избавиться отъ безчеловѣчныхъ истязаній“. Кроме того, будто бы Стерлиговъ ему также показывалъ письмо, въ которомъ Сухово-Кобылинъ обѣщалъ ему и его роднымъ свободу, 1050 руб. сер. и свое ходатайство объ облегченіи его участи.

Напомнимъ, что картина истязаній Егорова въ Серпуховской части близка къ подобной сценѣ же въ комедіи Сухово-Кобылина „Смерть Тарелкина“ или „Расплюевскіе веселые дни“.

Дѣло перешло въ 6-й Московскій департаментъ Пр. Сената, но ни тутъ, ни въ Общемъ собраніи, не смотря на всѣ старанія оберъ-прокуроровъ, единогласіе достигнуто не было. И голоса сенаторовъ раздѣлились. Въ виду этого, все производство было представлено въ Министерство Юстиціи, откуда и прислана была обстоятельная записка съ весьма существенными замѣчаніями на недостатки слѣдствія. Генераль-прокуроръ*) предлагалъ учредить новую слѣдственную Комиссію, съ участіемъ жандармовъ, и за тѣмъ дѣло передать опять въ 1-ую инстанцію (въ Надворный Судъ) для новаго рѣшенія. Предложеніе министра было читано въ Сенатѣ 2 Октября 1853 г., но единогласія среди сенаторовъ не получилось. Такимъ образомъ дѣло должно было дойти до Государственнаго Совѣта.

Предложеніе министра юстиціи было слѣдующаго содержанія.

„По разногласію въ Общемъ собраніи Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената, дѣло это препровождалось въ министерство Юстиціи на консультацію, откуда возвращено при предложеніи господина управляющаго Министерствомъ Юстиціи, за № 4760, слѣдующаго содержанія.

Произведеннымъ по дѣлу сему слѣдствіемъ хотя и обнаружена несомнѣнно насильственная смерть Симонъ-Деманшъ, но о мѣстѣ, гдѣ

*) Т. е. министр юстиціи, графъ В. Н. Панинъ.

совершено ся убійство, объ участникахъ сего преступленія и самыхъ причинахъ къ тому побудившихъ даны разнообразныя и противорѣчащія показанія, оставленныя слѣдователями безъ надлежащаго вполнѣ розысканія. По производству слѣдствія, послѣ заключенія подъ стражу находившагося въ короткомъ знакомствѣ съ убитою Деманшъ титулярнаго совѣтника Сухово-Кобылина, слѣдователями отобраны отъ крѣпостныхъ его людей, повара Ефима Егорова и жившихъ у Симонъ-Деманшъ Галактіона Козьмина и женщинъ Аграфены Кашкиной и Пелагеи Алексѣевой показанія, содержащія сознание въ совершеніи убійства первыми двумя, при содѣйствіи послѣднихъ, въ квартирѣ самой Деманшъ. Неграмотныя женщины, Кашкина и Алексѣева, отозвались въ Надворномъ судѣ и Уголовной Палатѣ, что онѣ въ убійствѣ Деманшъ не участвовали и не показывали того, что написано въ ихъ допросахъ. Въ первоначальныхъ же допросахъ, въ началѣ слѣдствія взятыхъ, женщины сіи положительно показали, что хозяйка ихъ отлучилась изъ своей квартиры 7 Ноября 1850 года, вечеромъ часу въ 10, не дождавшись отвѣта на посланную ею записку къ ихъ барину, къ которому въ это время она обыкновенно ходила, по любовной съ нимъ связи. Егоровъ и Козьминъ, въ рукоприкладствѣ подъ выпискою въ Правительствующемъ Сенатѣ, объяснили, что они приняли на себя убійство по убѣжденію своего господина, обѣщавшаго имъ денежное награжденіе по 1,000 руб. съ лишнимъ, свободу родственникамъ, и обнадежившаго вослѣдованіемъ вскорѣ всемилостивѣйшаго манифеста, а также ходатайствомъ за нихъ. Все это было выражено въ собственноручномъ ихъ господина письмѣ, предъявленномъ имъ *) приставами Хотинскимъ и Стерлиговымъ, которые ихъ допрашивали. Въ такомъ положеніи дѣла едва ли можно утвердиться на однихъ сознательныхъ, но въ послѣдствіи отвергнутыхъ показаніяхъ людей Сухово-Кобылина, а тѣмъ еще менѣе представляется возможнымъ осудить безграмотныхъ женщинъ, и одну изъ нихъ Кашкину, къ тяжкому наказанію по показаніямъ, никѣмъ за нихъ незарукоприкладствованнымъ (ст. 1056. т. XV Св. Угол. Зак. изд. 1842 года). Признание подсудимаго почитается доказательствомъ совершеннымъ, когда оно вполнѣ сходно съ происшедшимъ событіемъ и когда показаны при томъ такія обстоятельства дѣйствія, по которымъ о достовѣрности и истинѣ онаго сомнѣваться не возможно (ст. 1181 Св. Зак. Угол.); если же, при учиненіи признанія, предоставляются обстоятельства, съ которыми происшедшее дѣйствіе несходно, то признание, по закону (ст. 1184), не составляетъ совершеннаго доказательства, и судъ въ семъ случаѣ изыскиваетъ другія. Въ настоящемъ

*) Т. е. Кашкиной и Алексѣевой.

дѣлъ, при явной неполнотѣ и очевидныхъ недостаткахъ слѣдствія, признаніе крѣпостныхъ Сухово-Кобылина людей не удовлетворяетъ требованію закона, а при разнорѣчїи на каждомъ шагѣ представляется весьма сомнительнымъ и даже неправдоподобнымъ. Нижеслѣдующія соображенія ведутъ къ сему заключенію. Убійство Деманшъ, произведенное съ жестокостью, не могло быть совершено безъ сильной побудительной къ тому причины. Слѣдствіемъ не обнаружено однакоже причины, по которой дворовые Сухово-Кобылина люди могли бы сами по себѣ посягнуть на столь тяжкое злодѣяніе. Въ первомъ показаніи Ефимъ Егоровъ написалъ, что убилъ Деманшъ потому, что она была злая и капризная женщина и что много людей пострадало по ея наговорамъ. Причина эта уничтожилась собственнымъ Егорова объясненіемъ. Онъ на вопросъ слѣдователей кто и какъ пострадалъ за Деманшъ, показалъ, что по ея неудовольствію отослана въ деревню и выдана замужъ сестра его, лѣтъ пять тому назадъ, а также около трехъ лѣтъ и менѣе отправлены въ деревню еще три женщины и менѣе, и одна изъ нихъ откупилась на волю. Въ другомъ показаніи 22-го Ноября Егоровъ написалъ, что главная причина, побудившая его посягнуть на жизнь Деманшъ, была та, что она со вѣрми жестоко обращалась, била многихъ изъ своихъ рукъ и жаловалась на него барину. Тоже написано и въ показаніяхъ Козьмина, Кашкиной и Алексѣевой. Эту вторую причину отвергаетъ положительно самъ помѣщикъ Сухово-Кобылинъ, удостоверяя, что злобы и недоброжелательства въ людяхъ, находившихся у Деманшъ въ услуженіи, не замѣчалъ, что поваръ Егоровъ оставался ею, Деманшъ, довольнымъ и, когда случалось готовить кушанье, получалъ отъ нея денежное награжденіе, а Козьмину платила жалованья 15 руб. въ мѣсяцъ, при готовыхъ харчахъ, всѣ имѣли содержаніе вполне удовлетворительное, никогда не жаловались и никто изъ нихъ ни полицейскимъ, ни домашнимъ образомъ наказанъ не былъ. Смотритель дома графа Гудовича, Дорошенко засвидѣтельствовалъ также подъ присягою о личномъ повара Егорова отзывѣ, что онъ доволенъ Деманшъ. Наконецъ, Сухово-Кобылинъ, въ объясненіи 18 Марта 1851 года, заявилъ предположеніе о томъ, не совершено ли убійство Деманшъ съ цѣлію воспользоваться ея имуществомъ и въ особенности денежнымъ капиталомъ. Предположеніе сіе устраняется само собою, при одномъ соображеніи съ осмотромъ мертвѣго тѣла Деманшъ, которое найдено въ полѣ, въ платьѣ, шелковыхъ чулкахъ, бархатныхъ теплыхъ полусалопожкахъ, а въ ушахъ находились брилліантовые серьги, на рукахъ золотыя супиры съ брилліантами и золотое кольцо. Сверхъ сего, въ квартирѣ ея оставлены въ цѣлости брилліантовые и серебряныя вещи, разное имущество, по оцѣнкѣ на 196 руб. серебр. и два билета Московской Со-

хранной Казны въ 800 р. сер., на имя неизвѣстнаго. Изъ сего можно заключать, что убійству Деманшь долженствовала быть другая побудительная причина, которая осталась по слѣдствію не раскрытою. Мѣстомъ убійства Деманшь указывается ея квартира, состоящая Тверской части въ домѣ графа Гудовича. Въ квартирѣ сей, какъ выше сказано, проживали находившіеся у Деманшь въ услуженіи дворовые Сухово-Кобылина люди: Галактіонъ Козьминъ, женщина Аграфена Иванова Кашкина и Пелагея Алексѣева, а поварь Екимъ Егоровъ жилъ при своемъ господинѣ Сухово-Кобылинѣ въ его домѣ, состоящемъ въ Срѣтенской части. Приходъ свой въ квартиру Деманшь, для совершения убійства, Егоровъ объяснилъ такъ: въ половинѣ 2 часа ночи на Михайловъ день, камердинеръ Лукьяновъ разбудилъ его и велѣлъ сказать Деманшь, что баринъ дома обѣдать не будетъ, а на записку не ждала бы она отвѣта. Погодя немного, онъ, Егоровъ, и пошелъ въ квартиру Деманшь. Напротивъ, камердинеръ Лукьяновъ показалъ, что онъ ходилъ на верхъ къ повару за тѣмъ, чтобы онъ раздѣвался и ложился спать, не ожидая отвѣта отъ барина къ Деманшь на ея записку. Никто изъ спрошенныхъ при слѣдствіи людей не видалъ ни выхода Егорова изъ дома Сухово-Кобылина, въ ночь на Михайловъ день, ни прихода его въ тоже время въ домъ графа Гудовича, гдѣ жила Деманшь, а также и возвращенія его, Егорова. Дворники показали: находящійся при домѣ графа Гудовича, крестьянинъ Аѳанасій Ильинъ (11 Ноября), что онъ не помнитъ, были ли заперты ворота въ ночь на 8 число того же мѣсяца, и у кого находился тогда ключъ отъ оныхъ; находящійся при домѣ Сухово-Кобылина дворовый его челоувѣкъ Антонъ Павловъ (20 Ноября), что на 8 число того мѣсяца, онъ спалъ вмѣстѣ съ другимъ дворникомъ Пахомовымъ въ людскихъ покояхъ, а ключъ отъ воротъ лежалъ въ обыкновенномъ мѣстѣ на окнѣ, съ коего всякій могъ взять оный свободно, не будя его. Между тѣмъ, при первомъ 14 Ноября допросѣ, означенный Павловъ и другой дворникъ Пахомовъ положительно утверждали, что съ 7 на 8 число Ноября они безотлучно находились на дворѣ. Въ рукоприкладствѣ подъ запискою въ Правительствующемъ Сенатѣ Егоровъ, объясняя, что 7 числа Ноября онъ легъ спать въ 11 часу вечера, а всталъ въ 9 часу утра 8 числа, ссылается въ томъ на спавшихъ въ одной съ нимъ комнатѣ конторщика Ѳедотова, крѣпостныхъ его господина: Никифора Малалѣева, Григорія Андреева, Василья Веденѣва, Ивана Козьмина, вольнаго приказчика Куликова и дворовыхъ Петрово-Соловова людей: Григорья Леонтьева, повара Алексѣя и портнаго. Спросъ этихъ людей представляется необходимымъ тѣмъ болѣе, что отобранныя при слѣдствіи показанія, разнорѣчивы и уклончивы, а допросы взятые, какъ

отъ Егорова, равно Козьмина, Кашкиной и Алексѣевой, содержатъ обстоятельства представляющіяся невѣроятными. Они показали, что, по сдѣланному 7 Ноября уговору, предположили въ эту ночь убить Деманшъ, а по приходѣ ночью Егорова въ комнату, гдѣ спала Алексѣева, онъ будилъ Козьмина и Иванову. Егоровъ и Козьминъ показали, что при входѣ ихъ ночью къ Деманшъ она спала, лежа навзничъ, а на столѣ по обыкновенію горѣла свѣча. Егоровъ накрылъ ей лицо подушкою, Деманшъ проснулась и стала вырываться; тогда Егоровъ схватилъ ее за горло и ударилъ кулакомъ по глазу, а Козьминъ билъ ее по бокамъ утюгомъ. Въ другомъ показаніи Егорова написано, что они напали на Деманшъ спящую, а потому сопротивленія съ ея стороны не было, только разъ или два негромко вскрикнула. Въ Уголовной Палатѣ Козьминъ показалъ, что когда они вошли въ спальню, то Деманшъ окликала: кто тутъ? Въ показаніи женщины Аграфены Кашкиной написано, что ночью Егоровъ и Козьминъ велѣли ей вывести бывшую въ спальнѣ Деманшъ собаку, а когда она вошла туда, то хозяйка проснувшись спросила „чтѣ ты тутъ ходишь“, она отвѣчала, „взять собачку“, и тогда Егоровъ и Козьминъ пошли къ Деманшъ. Изъ медицинскаго осмотра оказывается, что Деманшъ, имѣя отъ роду 35 лѣтъ, была тѣлосложенія крѣпкаго и здороваго; слѣдовательно не могла не бороться съ убійцами и не кричать при нападеніи на нее спавшую. Жившіе въ одномъ съ Деманшъ флигелѣ дома графа Гудовича, князь Радзивиллъ, его люди и дворникъ утверждаютъ однакоже положительно, что въ квартирѣ Деманшъ, ночью на 8 число Ноября, крику, визгу и никакого шуму не слышали, а дворникъ видѣлъ ночью огонь въ ея квартирѣ, и тогда говорили, что ея ожидаютъ домой.

Слѣдователи не описали вовсе расположенія комнатъ убитой Деманшъ, ни смежныхъ съ оной квартиръ, въ которыхъ жили другіе жильцы, тогда какъ первѣйшею обязанностію ихъ было сдѣлать такое описаніе со всею подробностію. Видно только: а) изъ показанія женщины Аграфены Кашкиной, взятаго Уголовною Палатою, что квартира Деманшъ была въ нижнемъ этажѣ, а въ верхнемъ жилъ князь Радзивиллъ, и кухня, принадлежащая къ его квартирѣ, находилась подлѣ ихъ кухни, и б) изъ показанія князя Радзивилла, что наканунѣ, 7 числа, была имъ слышна брань Деманшъ, въ квартирѣ ея происходившая. Судя по этимъ даннымъ, заключить должно, что всякій крикъ, не только вопль отчаянія, былъ бы и въ ночь на 8 число услышанъ, или самимъ княземъ Радзивилломъ, или его людьми, если бы убійство было совершенно дѣйствительно въ квартирѣ Деманшъ. Въ сознатель-

номъ показаніи Егорова и Козьмина сказано, что когда увидѣли, что совсѣмъ убили Деманшъ, тогда дѣвки, Кашкина и Алексѣева, одѣли ее въ платье и надѣли шляпку. При отрицательствѣ Кашкиной и Алексѣевой, на очной ставкѣ Егоровъ и Козьминъ отмѣнили свое показаніе, отзываясь, что они не видали, кто одѣвалъ Деманшъ. Изъ осмотра слѣдователей видно, что на Деманшъ надѣты были три юбки, кальсоны, платье, воротничекъ, шелковые чулки, теплые сапоги, въ уши вдѣты брилліантовые серьги, на головѣ гребенка и шапочка теплая, на рукахъ золотые супиры съ брилліантами и золотое кольцо, а въ карманѣ платья были ключи. Уголовная Палата спрашивала Козьмина и Егорова, для чего нужно было одѣвать мертвое тѣло въ то платье, въ которомъ оно найдено, а также вдѣвать въ уши брилліантовые серьги, на руки кольца и проч. Козьминъ не могъ дать никакого объясненія, онъ въ отвѣтахъ своихъ отозвался незнаніемъ. Егоровъ же показалъ, что сдѣлано это для того, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе и дать видъ, что будто Деманшъ убита неизвѣстными людьми на дорогѣ. Показаніе это едва-ли можетъ заслуживать вѣроятія. Въ сознательномъ показаніи Егорова сказано, что, по совершеніи убійства, Козьминъ пошелъ запрягать лошадь, и за тѣмъ онъ съ Козьминымъ уложили убитую въ сани и прикрыли полостью. Козьминъ сѣлъ на козлы, а Егоровъ на задкѣ и выѣхали со двора. Изъ дѣла видно, что лошадь Деманшъ стояла въ одной конюшнѣ съ лошадьми князя Радзивилла, квартирующаго въ томъ же флигелѣ дома, съ своимъ кучеромъ и прислугою, въ числѣ четырехъ человѣкъ. Никто однакоже, равно и дворникъ, не видалъ, какъ Козьминъ выводилъ изъ конюшни лошадь, запрягалъ въ сани, какъ вынесли тѣло убитой, уложили оное въ сани, отворили ворота и выѣхали; не видали даже и того, когда Козьминъ на лошади возвратился домой, распрягалъ лошадь и убиралъ сани. Это, по показанію Егорова и Козьмина, было уже утромъ часу въ 6-мъ, а въ такое время всѣ рабочіе люди, и въ особенности дворники, не спятъ. Слѣдователи не сдѣлали необходимаго для обсужденія дѣла описанія дому графа Гудовича, гдѣ жила Деманшъ и службамъ, въ ономъ находящимся. Въ рукоприкладствѣ подъ запискою въ Сенатѣ, Егоровъ приводитъ, что черезъ домъ отъ квартиры Деманшъ расположена полицейская будка. Но въ дѣлѣ нѣтъ ни показаній, находящихся при будкѣ часовыхъ, ни свѣдѣній, дѣйствительно ли въ такомъ близкомъ разстояніи расположена полицейская будка. Егоровъ показалъ, что, окончивъ все, возвратились на квартиру Деманшъ, и чтобъ отвлечь подозрѣніе, они, Егоровъ и Козьминъ, сожгли въ печкѣ салопъ ея. Козьминъ напротивъ показалъ, что мѣховой салопъ Деманшъ сожгли они, Козьминъ и Егоровъ, въ Голландской печкѣ еще до отвоза ими

тѣла ея. Въ показаніяхъ дѣвокъ, Аграфены и Педагеи, написано, что мѣховой салопъ сожгли онѣ въ печкѣ по вывозѣ тѣла, но до возвращенія Егорова и Козьмина. На вопросъ Уголовной Палаты, чтѣ побудило жечь въ печи салопъ? Козьминъ отозвался незнаніемъ, а Егоровъ показалъ, что это сдѣлано для того, чтобъ дать видъ, будто салопъ снятъ съ Деманшъ извощикомъ, съ коимъ она ѣздила. Слѣдователи не обратили ни на отсутствіе вѣроятности, ни на разнорѣчіе даже вышеизложенныхъ показаній никакого вниманія. Въ показаніи Егорова (21 Ноября) написано, что, по совершеніи убійства, онъ взялъ у Деманшъ портмоне съ 50 руб. сер., часы золотые дамскіе и брошку, деньги прогулялъ, а вещи закинулъ за Прѣсененскою заставою. Показаніе это оказалось ложнымъ. Вещи не были брошены за Прѣсененскою заставою, а найдены таковыя послѣ во флигелѣ дома Сухово-Кобылина. Вынутіе вещей сихъ произведено вслѣдствіе новаго показанія Егорова, отобраннаго 26 Марта 1851 года, т. е. съ лишнимъ чрезъ четыре мѣсяца послѣ дачи перваго. Отвергая оба свои показанія, Егоровъ въ рукоприкладствѣ подъ запискою въ Правительствующемъ Сенатѣ объяснилъ, что, въ Мартѣ 26 числа вечеромъ часовъ въ 10, былъ посланъ къ окну его въ Тверскомъ Частномъ домѣ неизвѣстный чело-вѣкъ, который, вручивъ ему 10 руб. сер., убѣждалъ показать, что вещи принадлежавшія Деманшъ сохраняются у него, Егорова. На это представлялъ онъ, что вслѣдствіе собственноручнаго письма его барина, предъявленнаго ему приставомъ Стерлиговымъ, онъ показалъ уже, что вещи тѣ брошены имъ за заставою. Послѣ сего онъ Егоровъ былъ вытребованъ въ секретное отдѣленіе, гдѣ ему объявлено, что означенныя вещи находятся въ томъ самомъ мѣстѣ, какъ объяснилъ ему неизвѣстный чело-вѣкъ, а за симъ слѣдователи отправились въ домъ его господина, въ которомъ вещи тѣ отысканы не имъ, а камердинеромъ Лукьяновымъ и были завернуты въ письмѣ послѣдняго къ его любовницѣ. Принявъ на видъ, что Егоровъ не воспользовался оставленными въ квартирѣ Деманшъ серебряными и брилліантовыми вещами, имуществомъ ея и билетами Сохранной Казны въ 800 руб. сер. на имя неизвѣстнаго, нельзя несомнѣваться въ справедливости отвергнутаго имъ въ послѣдствіи показанія о похищеніи 50 руб., часовъ и брошки, а потому нынѣшнія указанія Егорова не могутъ быть оставлены безъ обслѣдованія. Въ первомъ собственноручномъ объясненіи Егорова (20 Ноября) написано, что онъ прирѣзалъ Деманшъ перочиннымъ ножемъ, и потомъ свезли на ея лошади за заставу и бросили въ оврагъ. Въ другомъ того же числа показаніи, отобранномъ частнымъ приставомъ, Егоровъ написалъ, что они выѣхали за заставу за Ваганьково кладбище и свалили убитую въ оврагъ, но опа-

саясь, чтобы она не ожила, онъ, Егоровъ, перерѣзалъ ей горло бывшимъ у Козьмина складнымъ ножомъ, который также гдѣ-то недалеко и бросили. Козьминъ показалъ, что Егоровъ перерѣзалъ Деманшъ горло ножомъ, взятымъ у него, Козьмина, еще въ кухнѣ. Такимъ образомъ Егоровъ сдѣлалъ два показанія, одно другому противорѣчащія, а показаніе Козьмина не согласуется ни съ тѣмъ, ни съ другимъ.

Вникая въ сущность сихъ показаній, нельзя не обратить вниманія на несообразность оныхъ. Изъ разсказа Егорова и Козьмина видно, что они оставили душисть и бить утюгомъ Деманшъ, въ то время, когда увидѣли, что она совсѣмъ убита. Послѣ такого убѣжденія, не могло быть опасенія въ оживленіи убитой, вывезенной въ поле и вываленной изъ саней въ оврагъ. Слѣдовательно не было и цѣли рѣзать шею мертвой женщиной. По осмотру тѣла оказалось, что горло около перерѣза завернуто волосами распущенной косы, что могло служить для одного лишь удержанія стремительнаго теченія крови; принятіе подобной мѣры въ полѣ въ оврагъ было бы излишнимъ и даже опаснымъ для убійцы, которому надлежало торопиться ухъвать и не оставить на себѣ кровавыхъ слѣдовъ преступленія. Если бы шея была перерѣзана на мѣстѣ отысканія тѣла въ оврагъ, то кровь истекала бы въ болѣе значительномъ количествѣ не на платье, а на снѣгъ, особенно когда тѣло найдено лежащимъ внизъ лицомъ; но по осмотру оказалось, что подъ самымъ перерѣзаннымъ горломъ имѣется на снѣгу кровь въ небольшомъ количествѣ, между тѣмъ какъ манишка, сорочка и платье въ верхнемъ концѣ спереди довольно много окровавлены и залиты кровью, юбка и шапочка также запятнаны кровью. Для перерѣза горла ножомъ послѣ того, какъ уже тѣло было вывалено въ оврагъ, убійцѣ надлежало выйти изъ саней, подходить къ тѣлу и потомъ возвращаться къ санямъ. Такое дѣйствіе не могло не оставить на снѣгу въ оврагѣ слѣдовъ человѣческихъ. Между тѣмъ въ осмотрѣ мѣста, учиненномъ 9 Ноября въ 11—12 часовъ утра, сказано, что съ правой стороны тѣла по снѣгу видѣнъ слѣдъ саней, свернувшихъ съ большой дороги, прошедшій мимо самаго тѣла и далѣе впавшій опять въ большую дорогу; по слѣдамъ же конскихъ копытъ видно, что таковой былъ отъ Москвы. Въ послѣдствіи, 25 Января 1851 года, слѣдователями взято отъ лицъ, дѣлавшихъ осмотръ, дополнительное показаніе, что человѣческихъ слѣдовъ вокругъ тѣла не можно было замѣтить по случаю выпавшаго въ предшествующую ночь снѣга. Показаніе сіе не подтверждается однакоже собственнымъ означенныхъ лицъ осмотромъ, въ которомъ о выпавшемъ снѣгѣ ничего не сказано, а при томъ, если видны были слѣды саней и если не только можно было видѣть слѣды конскихъ копытъ, а опре-

дѣлать даже по слѣдамъ копытъ, откуда они шли, то трудно было бы не видѣть слѣдовъ человѣческихъ не на дорогѣ, а на цѣломъ мѣстѣ въ оврагѣ. Если бы дѣйствительно былъ брошенъ Егоровымъ окровавленный ножъ, то по крайней мѣрѣ были бы видны на снѣгу слѣды крови, но слѣдовъ, какъ и ножа, не найдено ни при осмотрѣ слѣдователями мѣста по указанію Егорова, 21 Ноября, ни при первоначальномъ утромъ 9 числа того мѣсяца полицейскомъ осмотрѣ, въ которомъ положительно сказано, что по близости тѣла орудій или острыхъ вещей никакихъ не оказалось и слѣдовъ крови болѣе нѣтъ.

Соображенія эти ведутъ къ убѣжденію, что Деманшъ зарѣзана не въ полѣ и не въ ея квартирѣ, въ которой ни по осмотру слѣдователей, 10 Ноября, знаковъ крови не найдено, ни самимъ Сухово-Кобылинымъ, который часу въ 9-мъ утра 8 числа, т. е. часа черезъ три по совершеніи убійства, приходилъ въ квартиру отыскивать слѣды пропавшей Деманшъ, ничего сомнительнаго не замѣтилъ, и что первое показаніе Егорова очевидно было принаравливаемо къ одному лишь осмотру тѣла, на которомъ найденъ перерѣзъ горла, а второе показаніе его и Козьмина согласовано уже съ осмотрами въ квартирѣ, какъ Деманшъ, такъ и Сухово-Кобылина. Въ осмотрѣ слѣдователей, учиненномъ при Сухово-Кобылинѣ 12-го Ноября въ домѣ, состоящемъ въ Срѣтенской части, гдѣ самъ онъ жилъ, оказалось, что въ комнатѣ, называемой заломъ, видны на стѣнѣ къ сѣнямъ кровавыя пятна: одно продолговатое на вершокъ длины въ видѣ распустившейся капли, другое величиною въ пятикопѣечную серебряную монету, разбрызганное; на штукатуркѣ видны разной величины мѣста стертыя неизвѣстно чѣмъ, и самая штукатурка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обвалилась, но не во всѣхъ комнатахъ, крашеныхъ желтою краскою и недавно вымытыхъ, въ сѣняхъ на грязномъ полу кровавое пятно полукруглое, величиною въ четверть аршина и къ оному потоки и брызги крови, частію уже смыты, на ступеняхъ задняго крыльца также видны пятна крови разной величины, частію стертыя или смытыя. Сухово-Кобылинъ на вопросъ слѣдователей отозвался, что онъ не можетъ опредѣлить причины, отъ которой оказались на стѣнѣ кровавыя пятна, такъ какъ въ квартиру переѣхалъ 4 Ноября, а до него жили въ оной многіе изъ его родственниковъ, мать его и тетки, тайная совѣтница Жукова съ семействомъ и прислугою и двоюродная сестра его, тайная совѣтница Бороздина. Впрочемъ камердинеръ его подверженъ кровоточенію изъ носу, и потому немудрено, что, живя въ этой комнатѣ и обертываясь къ стѣнѣ, онъ могъ запачкать оную; что же касается до кровавыхъ пятенъ въ сѣняхъ и на ступеняхъ крыльца, то онѣ произошли отъ поваровъ,

которые прикалывали живность для стола. Камердинеръ Макаръ Лукьяновъ, при допросѣ, показалъ, что отъ чего именно оказались кровавыя пятна въ квартирѣ его барина, въ залѣ на стѣнѣ, равно въ сѣняхъ на полу и на ступеняхъ крыльца, то онѣ произошли отъ поваровъ, которые прикалывали живность для стола. Камердинеръ Макаръ Лукьяновъ, при допросѣ, показалъ, что отъ чего именно оказались кровавыя пятна въ квартирѣ его барина, въ залѣ на стѣнѣ, равно въ сѣняхъ, на полу и на ступеняхъ крыльца, онъ не знаетъ, и что баринъ его перешелъ изъ большого въ малый флигель 6 числа Ноября. Слѣдователи не обнаружили истинной причины кровавыхъ пятенъ, оставя столь важное обстоятельство безъ всякаго дальнѣйшаго обследованія. Они не спросили никого изъ прежде жившихъ въ квартирѣ, не привели въ извѣстность, кто именно въ ней проживалъ до перехода Сухово-Кобылина, не обратили вниманія на разнорѣчіе его съ камердинеромъ о времени перехода въ квартиру и не сдѣлали даже подробнаго описанія расположенію дома. Равномѣрно, слѣдователи не удостовѣрились: дѣйствительно ли полы мыты были не прежде 11 числа, а ограничились въ обстоятельствѣ столь важномъ однимъ безприсяжнымъ показаніемъ дворовой, Сухово-Кобылина, дѣвки Марѣы Игнатьевой. Изъ числа писемъ, взятыхъ въ квартирѣ убитой Деманшъ, въ одномъ, подъ № 2, Сухово-Кобылинъ писалъ къ ней, что рѣшился призвать ее къ себѣ изъ деревни, чтобы имѣть при себѣ неблагодарную и клятвopеступную женщину, и чтобы имѣть возможность пронзить ее своимъ Кастильскимъ кинжаломъ. Сухово-Кобылинъ объяснилъ, что письмо это есть шутивное, но что онъ не помнитъ времени когда оно было писано. Въ письмѣ этомъ не означено ни числа, ни мѣсяца, ни года, и Деманшъ его сохранила. Слѣдователи не обратили на сіе обстоятельство никакого вниманія и не привели въ извѣстность времени, къ которому означенное письмо относилось, хотя можно бы было это сдѣлать посредствомъ розысканія, когда именно Деманшъ возвратилась изъ деревни. Въ томъ же объясненіи Сухово-Кобылинъ писалъ, что отношенія его къ Симонъ-Деманшъ всегда были самыя лучшія. Напротивъ, въ другихъ письмахъ Сухово-Кобылина и Симонъ-Деманшъ замѣчается, что между ними въ послѣднее время былъ почти совершенный разрывъ. Письма эти, писанныя пофранцузски и заключающіяся въ трехъ пачкахъ, остались не переведенными на Русскій языкъ, а потому и въ разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ не были, тогда какъ изъ содержанія оныхъ ближе и вѣрнѣе можно извлечь повремениныя отношенія Сухово-Кобылина къ Деманшъ и на оборотъ. Въ день убійства Симонъ-Деманшъ, она ѣздила съ кучеромъ, дворовымъ Сухово-Кобылина человекомъ Галактіономъ Козьминымъ, къ дѣвицѣ Ландертъ, каталась и

была въ кондитерской съ титулярнымъ совѣтникомъ Панчулидзевымъ, была въ квартирѣ поручика Сушкова и вечеромъ уже возвратилась въ свою квартиру. Сухово-Кобылинъ не представилъ записки Деманшъ, которую она писала къ нему за нѣсколько часовъ до убійства ея, на которую, какъ самъ онъ показалъ, отвѣта не получила. Изъ первоначальныхъ показаній жившихъ у Деманшъ людей Козьмина, Кашкиной и Алексѣевой видно, что Деманшъ, по возвращеніи въ свою квартиру 7 Ноября, вечеромъ, часовъ въ 9, пошла чрезъ нѣсколько времени въ томъ же платьѣ и тепломъ салопѣ, сказавъ, что скоро воротится и не приказавъ даже гасить свѣчъ; а какъ въ это время она обыкновенно ходила къ барину Сухово-Кобылину, съ которымъ имѣла любовную связь, то Кашкина полагала, что она пошла къ нему и дожидалась ея цѣлую ночь. Въ отношеніи бытности Деманшъ въ квартирѣ Сухово-Кобылина вечеромъ, 7 Ноября, даны людьми его показанія большею частью уклончивыя. Дворникъ Пахомовъ отозвался незнаемъ, была ли на Михайловъ день, въ вечернее или ночное время, у барина его Деманшъ. Между тѣмъ показалъ, что на это число онъ Пахомовъ былъ дома на дворѣ и съ онаго никуда не отлучался. Экономка Фирсова объяснила, что со Вторника на Середу, на 8 Ноября, она была больна и изъ комнаты никуда не отлучалась, а потому не знаетъ, уѣзжалъ ли куда баринъ ея, но что Деманшъ ни вечеромъ, ни ночью у барина его не была. Нельзя не замѣтить, что Пахомовъ далъ уклончивое показаніе о приходѣ Деманшъ, тогда какъ онъ безотлучно находился на дворѣ, и что если Фирсова не могла по болѣзни дать положительнаго показанія въ отношеніи отлучки барина изъ своей квартиры, то по той же самой причинѣ она едва ли могла положительно отрицать о бытности у него Деманшъ. Сухово-Кобылинъ отозвался, что была ли Деманшъ въ 9 часовъ вечера, 7 числа, въ его квартирѣ, онъ опредѣлить не можетъ по отсутствію своему изъ дома. Камердинеръ Макарь Лукьяновъ показалъ, что, 7 Ноября, баринъ его уѣхалъ изъ дома въ 8 часовъ вечера, на своихъ лошадяхъ и въ своей каретѣ. Напротивъ, дворники показали, что баринъ ихъ 7 Ноября весь вечеръ и до утра былъ дома и никуда не отлучался, да и карета его была въ починкѣ. На сдѣланный Сухово-Кобылину вопросъ: куда именно отлучался 7 Ноября вечеромъ, въ какомъ экипажѣ и кто былъ кучеръ и лакей? отвѣчалъ онъ 16-го того же Ноября, что былъ на вечерѣ у Нарышкина, отправился туда и возвратился домой пѣшкомъ, ибо карета его была занята сестрами, извозчика не нанималъ. Въ справедливости сего показанія Сухово-Кобылинъ сначала уличалъ своего камердинера при очной съ нимъ ставкѣ 14 Декабря 1850 г., но потомъ присоединился къ его показанію, что отправился на вечеръ на своихъ

лошадяхъ и съ своимъ кучеромъ Иваномъ Тимофеевымъ. Между тѣмъ, 13 Ноября 1850 года, былъ спрошенъ кучеръ, дворовый Сухово-Кобылина человекъ Иванъ Тимофеевъ и показалъ, что во Вторникъ 7 Ноября, господинъ его, по возвращеніи домой днемъ часа въ 4, не ѣздилъ никуда, и что у Нарышкиной баринъ его былъ до Вторника. На очной съ камердинеромъ ставкѣ 30 Ноября, Тимофеевъ перешелъ къ показанію перваго, что дѣйствительно отвозилъ барина къ Нарышкиной 7 числа Ноября, въ 8 часовъ вечера, на своихъ лошадяхъ и въ своей каретѣ. Слѣдователи не спросили ни квартировавшихъ въ домѣ Сухово-Кобылина людей, ни дворниковъ сосѣднихъ и противоположныхъ домовъ, даже бывшихъ дежурными въ ночь происшествія, не видалъ ли кто прихода или пріѣзда, вечеромъ 7 Ноября, на Михайловъ день, Деманшъ въ домъ Сухово-Кобылина, а также выѣзжавшаго ночью или вечеромъ изъ его дома подозрительнаго экипажа, особенно по направленію въ ту сторону, гдѣ найдено тѣло убитой; не привели въ извѣстность проживавшихъ въ то время въ домѣ Сухово-Кобылина и не сдѣлали, какъ выше сказано, описанія расположенію сего дома. Равномѣрно слѣдователи не удостовѣрились въ бытности Сухово-Кобылина у Нарышкиной и не вывели въ извѣстность даже того, дѣйствительно ли 7 Ноября былъ у нея вечеръ. Изъ дѣла видно, что Сухово-Кобылинъ, бывший, по собственному его показанію, у Деманшъ днемъ 7 Ноября, приходилъ и на другой день 8 числа, часу въ 9-мъ утра, т. е. часа чрезъ три, по совершеніи убійства, въ квартиру отыскивать слѣды пропавшей Деманшъ, и продолжалъ поиски съ такимъ усердіемъ и нетерпѣніемъ, что въ теченіе этого дня и ночи пріѣзжалъ въ квартиру разъ шесть и оставался тамъ по нѣскольку часовъ одинъ и съ зятемъ Петрово-Солововымъ. Онъ, по словамъ камердинера Лукьянова, возвратясь 8 Ноября въ свою квартиру часовъ въ 10 вечера, былъ въ смущенномъ видѣ и говорилъ: „Вѣрно Деманшъ убита“. Между тѣмъ, какъ видно изъ показаній дворовыхъ людей, женщины Аграфены Кашкиной и кучера Игнатія Макарова, Сухово-Кобылинъ не показывалъ прежде никакой тревоги объ отлучкѣ Деманшъ, уѣзжавшей на два и на три дни, но слѣдователи не обратили на сіе обстоятельство никакого вниманія. Изъ показаній кучера Игнатія Макарова, находившагося по болѣзни въ домѣ своего господина Сухово-Кобылина, видно, что баринъ его часу въ 12 ночи, 8 Ноября, посылалъ его Макарова къ Козьмину за тѣми санями, на которыхъ ѣздила Деманшъ и которыхъ Козьминъ въ то же время къ барину и доставилъ; то же показалъ и Козьминъ, при допросѣ его слѣдователями. Напротивъ Сухово-Кобылинъ въ отвѣтахъ написалъ, что, розыскивая Симонъ-Деманшъ, онъ былъ въ ея квартирѣ часовъ въ 11

вечера, 8 Ноябра и, отпустивъ извозчика, приказалъ работнику ея, Козьмину, заложить лошадь въ сани и поспѣшно возвратился домой, а потомъ ѣздилъ къ оберъ-полицеймейстеру. Между тѣмъ камердинеръ Лукьяновъ показалъ, что 8 Ноябра баринъ его возвратился отъ князя Вреде часовъ въ 10 вечера, а часу во 2-мъ отправился вмѣстѣ съ зятемъ Петрово-Соловымъ къ оберъ-полицеймейстеру на извозикѣ. Слѣдователи не обнаружили причины, побудившей Сухово-Кобылина взять сани Деманшъ въ ночное время и на другой же день послѣ ея убійства. Они оставили безъ должнаго обслѣдованія и самое разнорѣчіе въ показаніяхъ означенныхъ выше лицъ. Наконецъ, Сухово-Кобылинъ началъ отстранять отъ себя незаконное сожитіе его съ Деманшъ, извѣстное и всѣмъ спрошеннымъ по дѣлу лицамъ. Онъ въ рукоприкладствѣ подъ запискою въ Правительствующемъ Сенатѣ написалъ, что связь любви и сердечной привязанности съ пособіемъ въ содержаніи бываетъ между всякими лицами, расположенными другъ къ другу, а потому нѣтъ основанія слова эти принимать за незаконное сожитіе, коего не существовало. Между тѣмъ изъ собственноручныхъ Сухово-Кобылина отвѣтовъ значить: на вопросъ слѣдователей, къ кому именно Симонъ-Деманшъ ревновала его и не было ли, вслѣдствіе сего разрыва любовныхъ отношеній? сознался онъ, Сухово-Кобылинъ, что въ продолженіи всего времени его съ Деманшъ жизни, она изъявляла ревность къ тѣмъ дамамъ, куда онъ часто ѣздилъ, или близко былъ знакомъ, но ревность эта никогда не выходила изъ предѣловъ шутки и просьбы: къ такой или въ такой домъ не ѣздить, и потому ссоры или разрыва связи ихъ не происходило. Независимо отъ всѣхъ вышеизложенныхъ важныхъ упущеній, нельзя не замѣтить, что слѣдователи отбирали безъ присяги показанія и отъ такихъ крѣпостныхъ Сухово-Кобылина людей, которые, не будучи причастны къ дѣлу, долженствовали, за неимѣніемъ другихъ свидѣтелей, согласно 1088 ст. XV т. Св. Зак. Угол., быть спрошены подъ присягою, а чрезъ сіе представлялась свобода давать безбоязненно показанія одно другому противныя, уклончивыя и сами по себѣ неимовѣрныя; отъ лицъ же неграмотныхъ слѣдователи составляли допросы безъ зарукоприкладствованія оныхъ другими грамотными вопреки 1056 ст. Т. Св. Зак. Угол. По всѣмъ симъ соображеніямъ, принимая во вниманіе недостатки въ производствѣ слѣдствія, указывающіе необходимость привести въ ясность новыя при рукоприкладствахъ показанія обвиняемыхъ, отрицающихся отъ прежнихъ своихъ показаній, и опасаясь произнести рѣшительный приговоръ къ тяжкому наказанію надъ лицами, въ виновности которыхъ законнаго убѣжденія, по его мнѣнію, не представляется, онъ г. управляющій Министерствомъ Юстиціи признаетъ нынѣ невозможнымъ разрѣшить настоящее

дѣло по существу и полагалъ бы: 1) подвергнуть сіе дѣло строгому переслѣдованію по всѣмъ обстоятельствамъ онаго, чрезъ благонадежныхъ и опытныхъ чиновниковъ, при содѣйствіи жандармскаго штабъ-офицера, которымъ вмѣнить въ обязанность, чтобы употребили всѣ законныя средства къ обнаруженію истинной причины, побудившей къ убійству Симонъ-Деманшъ; 2) по окончаніи слѣдствія передать все дѣло въ судъ первой степени для разсмотрѣнія, постановленія вновь, на законномъ основаніи, мнѣнія, не стѣсняясь прежними рѣшеніями и для поступленія въ дальнѣйшемъ ходѣ онаго по установленному порядку, и 3) упущенія и противозаконныя дѣйствія слѣдователей предоставить разсмотрѣнію и зависящему распоряженію надлежащаго начальства“.

Дѣло объ убійствѣ Симонъ-Деманшъ 27 Ноября 1853 г. было разсмотрѣно въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, а 17 Декабря въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, гдѣ и послѣдовало рѣшеніе „утвердить по этому дѣлу заключеніе Управляющаго Министерствомъ Юстиціи и сенаторовъ, съ нимъ согласныхъ“. При этомъ Государственный Совѣтъ нашелъ нужнымъ прибавить: 1) „переслѣдованіе возложить на особую комиссію, составляя оную изъ благонадежныхъ и опытныхъ въ производствѣ слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ чиновниковъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, при содѣйствіи жандармскаго штабъ-офицера, по выбору самихъ министровъ и шефа жандармовъ; 2) сей комиссіи вмѣнить въ обязанность употребить всѣ зависящія средства къ обнаруженію не только истинной причины, побудившей къ убійству Симонъ-Деманшъ, но и виновныхъ въ совершеніи сего преступленія; 3) предоставить министру юстиціи имѣть особое наблюденіе за правильнымъ и безостановочнымъ производствомъ какъ переслѣдованія, такъ и судебного разсмотрѣнія настоящаго дѣла, которое во всѣхъ инстанціяхъ рѣшить безъ очереди и 4) упущенія и противозаконныя дѣйствія прежнихъ слѣдователей подвергнуть строжайшему взысканію по законамъ“.

Это рѣшеніе Государственнаго Совѣта удостоено высочайшаго утвержденія 6 Января 1854 года.

Немедленно была сформирована новая Слѣдственная Комиссія, которая энергично взялась за дѣло 27 Февраля 1854 года*). Во главѣ Комиссіи стояли генераль-майоръ Ливенцовъ и дѣйст. ст. совѣтникъ Васильчиковъ. Комиссія передопросила всѣхъ обвиняемыхъ (кромѣ умершей Пелагеи) и свидѣтелей, устроила цѣлый рядъ очныхъ ста-

*) См. Дѣло Архива Госуд. Совѣта, 1857 г. д-та гражд. и духовныхъ дѣлъ, № 182.

вокъ, осмотрѣла вновь все помѣщенія, допросила нѣсколькихъ новыхъ свидѣтелей и не открыла ничего новаго. Сухово-Кобылинъ и его камердинеръ были заключены подъ стражу, при чемъ первый просидѣлъ съ половины Мая до начала Ноября, когда былъ выпущенъ на поруки матери. Говорятъ, что въ это самое время онъ задумалъ и даже написалъ „Свадьбу Кречинскаго“, создавшую ему извѣстность какъ писателю. Новыми слѣдователями было особенное вниманіе обращено на выясненіе отношеній Сухово-Кобылина къ М. И. Нарышкиной, къ которой будто бы Симонъ сильно его ревновала. Затѣмъ осмотръ платья и бѣлья убитой, на этотъ разъ болѣе внимательный, показалъ, что, какъ платье, такъ и бѣлье обильно залито текшей сверху внизъ кровью какъ спереди, такъ и сзади до талии. Это убѣдило судей, что Деманшъ была при жизни зарѣзана, при томъ одѣтая и стоя, и гдѣ-то несомнѣнно въ другомъ мѣстѣ, а не въ своей квартирѣ. Промелькнуло еще одно свидѣтельское показаніе, что будто Сухово-Кобылинъ давалъ деньги въ полиціи.

Какъ бы то ни было, дѣло опять прошло все инстанціи и было внесено въ Государственный Совѣтъ.

25 Октября 1857 года, въ соединенномъ засѣданіи департаментовъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и законовъ, большинство (28 членовъ) пришло къ такому рѣшенію: „Въ настоящемъ дѣлѣ показанія крѣпостныхъ Сухово-Кобылина людей, Егорова, Козьмина и Ивановой, въ коихъ они сознавались въ совершеніи убійства Симонъ-Деманшъ, не могутъ быть признаны за достовѣрныя и удовлетворяющія требованіямъ закона; ибо они не подтверждены обстоятельствами дѣла, ни въ главныхъ своихъ основаніяхъ, ни въ подробностяхъ. Напротивъ того, сіи показанія какъ относительно повода къ покушенію на убійство, такъ и способа совершенія онаго, обстоятельствъ при томъ происшедшихъ и, наконецъ, о самомъ мѣстѣ совершенія злодѣянія, явно противорѣчатъ обнаруженнымъ при слѣдствіи фактамъ... Кромѣ того означенныя объясненія подсудимыхъ между собой несогласны...

На основаніи всехъ изложенныхъ соображеній 28 членовъ полагаютъ:

1) Дворовыхъ Сухово-Кобылина и Аграфену Иванову отъ всякой отвѣтственности по предмету убійства Симонъ-Деманшъ оставить свободными; кромѣ того, члены Государственнаго Совѣта полагали вообще всехъ дворовыхъ людей Сухово-Кобылина поручить особенному

попеченію мѣстнаго предводителя дворянства, ибо они могли своими показаніями „возбудить негодованіе владѣльца“.

На представленной меморіи, Государь, 3 Декабря 1857 г., написалъ противъ мнѣнія 28 членовъ—„и Я“. Такимъ образомъ дѣло окончилось навсегда. Сухово-Кобылинъ былъ приговоренъ къ церковному покаянію за любовную связь.

Дворники, отказавшись отъ своихъ показаній, достигли желанныхъ результатовъ, избавились отъ плетей, клеймъ и каторги. Удовлетворено ли было тѣмъ земное правосудіе—возможно! Однако оно не достигло желаемой цѣли и не открыло виновныхъ. Судейскій ходатай, писавшій „рукоприкладства“ осужденнымъ, былъ правъ, сказавъ, что „тайна сія извѣстна одному Всевышнему Творцу, отъ Котораго не скрыто“, кто былъ „жертва случая“, и кто истинный виновникъ трагической смерти московской купчихи Луизы Ивановны Симонъ-Деманшъ, жизнь которой волею судьбы была такъ тѣсно связана съ жизнью виднаго Русскаго писателя.

А. Голомбѣвскій.

*

Въ Запискахъ сенатора Кастора Никифоровича Лебедева, которыя помѣщались въ „Русскомъ Архивѣ“ (съ 1898 года) имѣются свѣдѣнія о Сухово-Кобылинѣ и его сестрѣ, графинѣ Сальясъ. По требованію Е. М. Теокистова, тогдашняго начальника по дѣламъ печати, эта почти цѣлая страница, уже отпечатанная, была уничтожена. П. Б.

